

A young boy with a serious expression sits on a stone step. He wears a dark cap, a purple long-sleeved shirt, and grey checkered overalls. His right hand rests on his chin, and his left arm is crossed over his lap. To his left is a large, empty wicker basket. The background is a dark, textured wall.

КРИСТИНА
МАКМОРРИС

ПРОДАНЫ
В ПОНЕДЕЛЬНИК

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES, USA TODAY, PUBLISHERS WEEKLY

Кристина Макморрис
Проданы в понедельник
Серия «Звезды зарубежной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559643

Проданы в понедельник:

ISBN 978-5-17-122346-5

Аннотация

1931 год. Великая депрессия. Люди теряют все, что у них было: работу, дом, землю, семью и средства к существованию.

Репортер Эллис Рид делает снимок двух мальчиков на фоне обветшалого дома в сельской местности и только позже замечает рядом вывеску «ПРОДАЮТСЯ ДВОЕ ДЕТЕЙ».

У Эллиса появляется шанс написать статью, которая получит широкий резонанс и принесет славу. Ему придется принять трудное решение, ведь он подвергнет этих людей унижению из-за финансовых трудностей. Последствия публикации этого снимка будут невероятными и непредсказуемыми.

Преследуемая своими собственными тайнами, секретарь редакции, Лилиан Палмер видит в фотографии нечто большее, чем просто хорошую историю. Вместе с Ридом они решают исправить ошибки прошлого и собрать воедино разрушенную семью, рискуя всем, что им дорого.

Вдохновленный настоящей газетной фотографией, которая ошеломила читателей по всей стране, этот трогательный роман рассказывает историю в кадре и за объективом – об амбициях, любви и далекоидущих последствиях наших действий.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	61
Глава 7	66
Глава 8	73
Глава 9	83
Глава 10	97
Глава 11	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Кристина Макморрис

Проданы в понедельник

© 2018 by Kristina McMorris

© Павлова И., перевод, 2020

© ООО» Издательство АСТ», 2020

Пролог

У охраняемого входа стаей изголодавшихся волков кружили репортеры. Они жаждали узнать имена и адреса, любые свидетельства о связи с гангстерами, мельчайшие подробности, достойные освещения в передовицах грядущего дня.

Ирония происходящего не ускользнула от меня.

В приемное отделение больницы, где я просидела на одном и том же стуле несколько часов, зашел врач. Я приподняла голову. Врач приглушенным голосом заговорил с санитаркой. И его пышные усы с проседью завибрировали в такт словам, слетавшим с губ. Мои плечи сжались в пружины. Я попыталась перехватить его взгляд, допуская и страшась самого худшего. И ощутила, как вокруг меня возросло напряжение – все остальные испугались того же. Внезапная тишина показалась мне оглушительной. Но затем доктор сдвинулся с места и через пару секунд исчез за углом. И я снова обмякла на стуле.

В воздухе пахло дезинфицирующими средствами, отбеливателями и сигаретами нервных курильщиков. Напольная плитка при каждом новом шаге испускала пронзительный скрипучий звук. Какой-то мужчина стал подтаскивать ко мне кресло. Но крошечные волоски на затылке встопорщились не только из-за этого тягучего скрежета. Узнав о моей при-

частности к случившемуся, офицер уже предупредил меня: со мной наверняка захочет побеседовать следователь.

Мужчина сел в кресло ко мне лицом.

– Добрый день...

Небрежным движением он снял свою широкополую шляпу и положил себе на колени. Всем своим обликом – от костюма в тонкую полоску и аккуратной стрижки до великолепных белых зубов – этот человек походил на Джона Эдгара Гувера с очередной вербовочной агитки.

Я не расслышала ни его имени, ни формальных слов, которыми он отрекомендовался? – мой разум был и без того затуманен недосыпанием? а от прилива беспокойства в голове и вовсе все смешалось. Но я догадалась, какая информация его интересовала. Та же, что и журналистов, толпившихся на улице и всегда готовых залезть тебе в душу. Голодных до ответов, смысл которых я еще не осознавала до конца. Если бы я только могла исчезнуть! С этого места и из этого мгновения! Перенестись одним махом на неделю вперед, а еще лучше – на месяц! Неуместные слухи уже бы затихли; от замытых дочиста луж крови не осталось бы и следа. И этот день был бы уже пережит. Я представила себе, как сижу в полутемном уголке кафе и за чашечкой кофе и даю интервью молодому репортеру. Его старание напомнило бы мне о том, какой и я сама была прежде – когда только приехала в этот город, убежденная в том, что моей устремленности, энергии и удачи окажется довольно, чтобы рассеять

мрак собственного прошлого. А с ним и ощущение, что ты этого не достойна...

«Какое счастье, – произнес бы журналист, – что все закончилось так хорошо».

Для кого-то – конечно. Но не для всех.

– А вы можете мне рассказать, с чего все началось? – Образ репортера внезапно слился с лицом следователя, сидевшего передо мной. Кто из них задал мне этот вопрос? Бог его знает...

Но как бы там ни было, я вдруг с поразительной ясностью – словно сквозь мощную лупу – увидела весь прошлый год и те переплетенные пути-дорожки, что привели сюда каждого из нас. Все шаги и поступки, повлекшие за собой цепную реакцию, под стать эффекту домино.

Без малейшего сожаления я медленно кивнула собеседнику и, прокрутив назад воспоминания, ответила:

– Все началось с фотографии.

Часть первая

Реальная жизнь – это один мир, а жизнь, описанная в газетах, – совсем другой.

Гилберт Кит Честертон

Глава 1

Август 1931 года

Округ Ланкастер, Пенсильвания

Их глаза – вот что первым привлекло внимание Эллиса Рида.

На переднем крыльце серого, повидавшего виды строения – одного из нескольких сельских домов, выстроившихся вдоль дороги, обрамленной сенокосными лугами, – сидели два мальчика. Лет шести и восьми, самое большее. Они бросали камушки в консервную банку. И оба были босые и без рубашек. Из одежды на парнишках были только латаные комбинезоны, из-под которых проглядывала их светлая кожа, подкрашенная грязью и летним солнцем. Худые, с неряшливыми патлами медно-рыжих волос, братья походили на одного и того же ребенка на разных этапах жизни.

Но их глаза... Даже на расстоянии в двадцать футов они приковали к себе все внимание Эллиса. Эти глаза были голу-

быми, как и у него. Но такого светлого оттенка, словно их вырезали из горного хрусталя. Поразительная находка на фоне приторно-пасторального окружения! Как будто эти мальчишки были ему совершенно чужды...

Из-под мягкой фетровой шляпы по шее Эллиса стекла за накрахмаленный воротник еще одна капелька пота. Даже с закатанными рукавами (пиджак остался в машине) вся его рубашка уже стала липкой от чертовой влажности. Эллис приблизился к дому и поднял фотоаппарат. Вообще-то он любил снимать живописные природные пейзажи. Но сейчас он сфокусировал свой объектив на мальчуганах. И увидел в нем рядом с ними табличку. Нестроганая деревянная дощечка с зазубренными краями, она слегка прогнулась над крыльцом – как будто искривилась под бременем полуденной жары. А смысл слов, накарябанных на ней черным углем, Эллис полностью уловил, только сделав снимок.

Продаются двое детей

У Эллиса перехватило дыхание.

Он опустил фотокамеру.

На самом деле такие слова не должны были его шокировать. Слишком много людей пока еще не оправились от биржевого краха 29-го года. И ежедневно кто-то отсылал своих детей к родственникам, а кто-то бросал их у дверей церковных приходов, интернатов и приютов для сирот – в надежде на то, что там их отпрыски будут содержаться в тепле и сытости. Но чтобы продавать детей?! Такой вариант придавал

и без того страшному времени еще больше мрака и безысходности.

Имелись ли у этих мальчиков еще братья, которых их родители могли бы содержать и дальше? Грозил ли им разлука?

И вообще – умели ли они читать? Понимали ли смысл этого объявления? В голове Эллиса, как всегда, завертелись вопросы – но уже без тех предположений, которые он сделал бы раньше.

Да чего уж греха таить! Еще лет пять тому назад, когда ему было всего двадцать и жил он в Аллентауне, под отчим кровом, Эллис частенько грешил поспешными выводами. Но с тех пор улицы Филадельфии научили его: мало вещей способно привести человека в большее отчаяние, чем неутоленная потребность в еде. Доказательства? Достаточно было понаблюдать за тем, что происходило в любой очереди за бесплатным питанием, когда половники начинали соскребать суп со дна последней кастрюли.

– Чой-то у вас там, мистер? – указал на странную штуковину в руках Эллиса старший из мальчиков.

– Это? Это моя фотокамера.

На самом деле это было не совсем так. Фотокамера принадлежала газете «Филадельфия Экземайнер». Но в этой ситуации Эллис посчитал любые уточнения излишними.

Младший из мальчишек что-то прошептал на ухо старшему, и тот снова обратился к Эллису (словно выступал в роли

переводчика для брата):

– Это ваша работа? Делать картинки?

Увы, освещение всякой ерундистики в колонке «Наше общество» не представлялось Эллису достойной работой. Не такой он видел свою карьеру. И не об этом мечтал. То ли дело – настоящее репортерство! А с его нынешним занятием справился бы любой дурак.

– Пока да, – ответил Эллис ребятам.

Паренек постарше серьезно кивнул и пульнул в консервную банку новый камушек. А младший прикусил свою обветренную нижнюю губу с наивно-невинным видом – под стать выражению глаз. Они не выказывали ни намека на то, что мальчик сознавал, что сулило ему будущее. Может, это было и неплохо?

Да как сказать... Если дети, усыновленные в младенческом возрасте, имели все шансы на обретение настоящей семьи, то с подростками обстояло иначе. И ни для кого не являлось тайной, за что именно ценили их «приемные родители». Девочек – как нянечек, швей, домработниц. Мальчиков – как помощников на фермах и полях и будущих рабочих на фабриках или в угольных шахтах.

Но, может, этих двух парнишек еще было не поздно спасти? По крайней мере, попытаться им помочь.

Устремив взгляд на передние окна, Эллис поискал глазами хоть какие-то признаки движения в доме. Но за грязными разводами на стеклах ничего видно не было. Эллис напряг

слух и обоняние, попытался уловить позвякивание кастрюлек и чугунков или аромат кипящего рагу – любой знак, указывавший на присутствие матери дома. Но в воздухе разносилось только отдаленное кряхтение трактора, да запах вспаханной земли. Реальность побудила Эллиса к здравомыслию.

Что он, собственно, мог сделать для этих мальчишек? Убедить их родных, что им стоило поискать другой, лучший вариант? *Какой?* Пожертвовать им несколько баксов? Так он и сам с трудом оплачивал аренду...

Оба мальчика теперь смотрели только на него – словно ждали, когда Эллис заговорит. Он отвел глаза от таблички. И порылся в мозгу в поиске слов, действительно имевших смысл. Но найти их у него не вышло.

– Вы, ребята, берегите себя...

Под их дружное молчание Эллис с неохотой развернулся. Стрельба камушками по ржавой банке возобновилась, а когда он возвратился на проселочную дорогу, резко стихла.

Впереди, в пятидесяти ярдах, «Модель Т», когда-то спасенная Эллисом со свалки, поджидала его с открытыми окошками. Ее радиатор больше не шипел и не брызгал паром. Но и обстановка, окружавшая Эллиса, тоже почему-то переменилась. Бескрайние поля, покосившиеся изгороди... Еще несколько минут назад он находил их восхитительными и интересными объектами для своей личной фотоколлекции. Подходящим способом скоротать время, пока мотор охлаждался от августовской жары. А теперь эти пейзажи

дохнули на него терпким душком очередной трагедии, ему, увы, не подконтрольной.

Усевшись в свой драндулет, Эллис бросил на сиденье камеру (несколько резче, чем следовало) и отыскал флягу с водой. Заправив радиатор, он перевел рычаг переключения передач и повернул ключ. Затем вернулся к капоту, вставил кривой стартер в храповик коленвала и с силой прокрутил ручку на один оборот. Потом еще на один, и (слава Богу!) его седан ожил.

Уже сидя за рулем, Эллис смахнул с головы шляпу и тронулся в путь – как никогда желая поскорее вернуться в город. Через сорок пять минут он будет в совершенно ином мире!

Карта, расстеленная на его куртке, на пассажирском сиденье, затрепетала под струйкой ветерка, ворвавшегося в салон. Как раз сегодняшним утром эта мятая страница с пометками и обведенными в кружочки населенными пунктами привела Эллиса к месту его последнего «воодушевляющего» задания: выставке рукодельных работ Пенсильванского благотворительного женского общества под эгидой супруги самого мэра Филадельфии! Большинство вышивок, безусловно, впечатляло, но про себя Эллис чертыхался и роптал при каждом щелчке затвора. То, что пришлось работать в воскресенье, сильно подпортило парню настроение. А ведь ему еще предстояло проявлять снимки и кропать статью, крайним сроком сдачи которой было утро понедельника. Вот тебе и выходной день!

Да, так было утром. А сейчас, тронутый участью двух ребяташек, Эллис устыдился своего ворчания на работу, которой многие бы позавидовали.

Он попытался выбросить мальчишек из головы. Напрасно. Их образы снова и снова всплывали перед глазами, пока его колымага тарахтела и громыхала по шоссе. Но, лишь подъехав к зданию «Экземайнер», Эллис осознал истинную причину, по которой эти дети так сильно тронули его за живое. И не смог не задаться вопросами: будь сейчас рядом его брат, они бы с ним тоже выглядели похоже? И оба ли были желанны для своих родителей?

Глава 2

Подойдя к рабочему столу, Лили – все еще в своей шляпке-клош – испытала стыд и раскаяние из-за того, что она сделала.

Точнее, не сделала.

В пятницу вечером один репортер ждал, пока высохнут его фотографии.

Шеф Лили, Говард Тримбл – главный редактор, контролировавший газету со всей строгостью командира, готовящегося к сражению, – потребовал, чтобы ему предоставили все снимки для просмотра в первый же день новой рабочей недели.

Репортер был простужен и казался на вид настолько несчастным, что Лили пообещала показать боссу фотографии за него и отпустила больного домой.

Она была не из тех, кто легко раздавал обещания. Но в головомозительной суете умудрилась позабыть об этом уговоре. А понедельник уже наступил. Часы показывали семь сорок утра. До прихода Тримбла оставалось всего двадцать минут.

Лили поспешно пересекла новостной отдел. Между рабочими столами, сдвинутыми впритык и пока еще наполовину пустовавшими, бродил приглушенный гул голосов. В регулярной смене караула дневной персонал «Экземайнер» по-

степенно замещал ночную команду. Из коридора Лили нырнула на лестницу и понеслась вверх по ступенькам – взбежать на один этаж было быстрее, чем дожидаться лифта. И вот она уже в наборном цеху на четвертом этаже.

– Доброе утро, мисс Палмер, – возник справа от нее молодой, спортивного сложения парень с охапкой папок в руках.

Припомнить имя нового сотрудника Лили не удалось. И она ответила ему легкой улыбкой, лишь слегка замедлив свой темп. Но парень не отстал:

– Похоже, впереди еще одна жаркая неделька.

Заметив в его голосе стремление поддержать разговор, Лили ответила:

– Да, я слышала.

– А как вы провели выходные?

Лили, как и всегда, ездила в северный Делавэр – в свой настоящий дом. А не тот женский пансион, в котором она обитала во время рабочей недели. Только целью этих поездок домой, как и многим другим в своей жизни, Лили поделиться ни с кем не могла.

– Сожалею, но я сейчас очень спешу. Хорошего вам дня. – С вежливой улыбкой Лили прошествовала мимо парня до двери в углу. К счастью незапертая, она вывела ее в короткий проход. Табличка на второй двери – «Не беспокоить» – была повернута тыльной стороной. Верный знак, что фотолабораторией никто в данный момент не пользовался и входить в нее было безопасно.

Внутри от лампочки под потолком свисала тонкая цепочка. Лили дернула за нее, и маленькое прямоугольное пространство осветилось жутковатым красным сиянием. Воздух пах проявителями, которыми были забиты всевозможные лотки, теснившиеся между прочим оборудованием на прямоугольном столе вдоль стены.

На проволоке, натянутой во всю длину комнаты, болталось более дюжины снимков.

В самом конце этой «гирлянды», сразу после фотографий с женщинами, горделиво демонстрировавшими свои лоскутные одеяла, Лили увидела три снимка, за которыми пришла, – сцены собрания профсоюза сталелитейщиков.

Лили быстро схватила со стола пустую папку и отстегнула их.

И уже собиралась закрыть папку, когда ее взгляд привлекла еще одна фотография. На ней было запечатлено дерево – совсем обычное, если не вглядываться. Старый дуб рос в чистом поле, одинокий и грустный. Его ветви тянулись вперед, словно тосковали по чему-то незримому...

Лили рассмотрела следующий снимок – вырезанные на щербатом заборе инициалы:

К.Т. + А.Λ

Последняя буква была незакончена. И непосвященным оставалось только гадать, какой инициал скрывался за черточкой. И какой сюжет...

Лили перевела взгляд на следующую фотографию, затем

еще на одну. Выкинутая кем-то крышка от бутылки, вдавленная в дорожное полотно. Единственный цветок в куртинке жухлых сорняков, величаво возвышавшийся над ними... Каждый снимок таил в себе некую историю, и у Лили не возникло сомнений насчет их авторства.

С прошлой весны работая в редакции секретаршей, Лили уже дважды натыкалась на личные фотографии Эллиса Рида. Каждый его образ нес в себе интригующую перспективу, глубину детали, которую большинство людей не заметили бы.

Немногие мужчины в газетном бизнесе соглашались писать для женских колонок, да еще и за скудное жалованье. А Эллис это делал с усердием и исполнительностью. Хотя, как и Лили, он явно «удостоился» работенки, не соответствовавшей его настоящим талантам. Она, конечно, никогда не упоминала об этом. Ведь их периодическое общение не выходило за рамки обычной дружелюбности...

Эта мысль улетучилась из головы Лили, как только она развернулась.

Висевшее в красном полумраке фото таблички заставило ее онеметь. Два мальчугана, сидевшие на крыльце, были выставлены на продажу! Как телята на рынке.

Без всякого предупреждения по телу Лили прокатилась оторопь. Ее мощная волна захлестнула молодую женщину, разбредила старые воспоминания, которые она с таким трудом в себе похоронила. Страх, отчаяние, смятение, сожаление.

ние... Но отвернуться от снимка Лили не смогла. Более того, даже невзирая на влагу, затуманившую ей глаза, она вытащила фотографию из фиксаторов – чтобы рассмотреть поближе.

Вспышка света заставила ее вздрогнуть.

Дверь приоткрылась и тотчас же захлопнулась.

– Извините! – донесся из-за нее мужской голос. – Она была не заперта, и табличка не перевернута.

Лили вдруг вспомнила о своем деле и его срочности.

– Я уже выхожу!

Взяв себя в руки, она двинулась к двери. Но, уже потянувшись к ее шарообразной ручке, Лили сообразила: снимок Эллиса остался у нее – крепко зажатый пальцами.

Темная сторона ее натуры ничего так не желала, как изрезать его на кусочки и сжечь, вместе с негативом. Но внутренний голос подсказал Лили другую идею. Она могла обратиться абсолютный ужас во благо! Акцентировать значимость этих детей, так легко отвергнутых родителями. Напомнить всему обществу о том, что каждый ребенок имеет право на жизнь и условия для нормального развития. Такой урок Лили получила на собственном опыте.

Она бросила на фотографию еще один взгляд, решительно присовокупила ее к трем снимкам в папке и распахнула дверь.

Глава 3

Пружины узкого, комковатого матраса испустили гортанный скрип – как будто в предупреждение.

Эллис стащил со своей головы подушку. И прищурился от солнечного света, проливавшегoся в окно.

Он оставил его открытым – чтобы ослабить духоту. Но решение оказалось неудачным: вместо духоты комнату заполнили городские шумы да зловонный смрад выхлопов и канализационных стоков. Эллис перекатился к тумбочке, служившей еще и столом. На ней стоял жестяной будильник с двумя колокольчиками. Усиленно заморгав, Эллис попытался сфокусировать на нем взгляд. Пятнадцать минут одиннадцатого. Крайний срок сдачи статьи истек четверть часа назад.

Черт! Должно быть, он выключил будильник во сне. Что было совсем неудивительно, поскольку супружеская перебранка этажом выше не давала ему заснуть половину этой проклятой ночи.

С трудом поднявшись на ноги, Эллис наступил на простыню, уже сползшую на грубый деревянный пол, и обругал себя за желание испражниться. На это ведь требовалось время, которого у него не было. Добравшись до двери за несколько шагов (единственное преимущество квартиры размером с кладовку), Эллис пристроился в конец очереди в туалет,

растянувшейся на половину коридора. Еще один побочный результат массовой безработицы в стране. Два года назад, в этот же час буднего дня, дома оставались только матери, малыши да старики.

– Ну же, двигайтесь уже, – пробормотал Эллис. На его призыв отреагировала только мышь, поспешно обратившаяся в бегство. Стоявшие перед Эллисом три женщины среднего возраста прервали разговор и устремили на него свои взгляды. В них сквозило откровенное изобличение: если не считать семейных трусов, Эллис предстал перед дамами практически голым.

– О, господи, прощенье... – рефлекторно прикрылся он рукой.

Хотя его среднее телосложение набрало с годами приличную мышечную массу, в подобные моменты Эллис всегда превращался в хилого, тщедушного мальчугана. Каким он был до достижения половой зрелости – посредственным подающим в стикболе, редко радовавшим свою команду новыми очками, и бегуном, чья уверенность и, соответственно, скорость всегда резко падали всего в нескольких шагах от трофея.

Потребность облегчиться внезапно пропала, и Эллис быстро ретировался в свою комнатку. По коридору эхом разнеслось женское ворчание, осуждавшее его непристойное поведение и грубую речь.

Эллис ополоснул голову и тело в тазу отстоявшейся за сут-

ки водой и сорвал свою стираную рабочую одежду с веревки, разделявшей комнату пополам. Затем закинул свою статью в портфель из мягкой кожи, сунул его, как футбольный мяч, себе под мышку (за отсутствием ручки) и выскочил за дверь.

Когда-нибудь он будет ездить на работу с шиком, не переживая стоимости бензина. А до тех пор ему предстояло бегать за хвостом битком набитого трамвая.

В салоне пассажиры пытались остудиться импровизированными опахалами: сложенными газетами, полями шляп. Глядя на них, Эллис осознал, что позабыл не только прихватить свою фетровую шляпу, но и укротить свои строптивые волосы тоником. Черные волны были хоть и короткими, но непослушными. И все время норовили сбиться в космы.

Еще одна причина избегать сегодня главного входа.

Рельсы скрипнули, колокольчик звякнул, и трамвайный вагон покатился вперед. Достаточно медленно, чтобы можно было ухватить глазами заголовки газет в руках у разносчиков – «Линдберг приземлился в Японии!», «Правительство и люди Таммани снова схлестнулись!» А со всех сторон к бойким паренькам подступала дымка, тянувшаяся от фабрик и заводов, которые целыми днями шипели, кашляли и плевались, тужась удержаться на плаву.

Наконец показалось здание мэрии – одновременно уродливое и прекрасное строение из известняка и гранита. Наверху его часовой башни бронзовый Уильям Пенн сердито указывал на циферблат.

На своей остановке Эллис спрыгнул с подножки трамвая, чудом не попав под конную повозку. Почти бегом пересек Рынок, петляя между торговцами и чистильщиками обуви. И замедлил свой шаг только тогда, когда вошел в каменную пятиэтажную обитель «Экземайнера». Это, конечно, был не «Ивнинг Бюллетин», но за двадцать с лишним лет своего бытия «Экземайнер» все еще оставался его достойным соперником для любителей почитать новости на ночь.

– Мне на третий, – сказал Эллис, скользнув в лифт вслед за двумя парнями из корректорской. Сутулый лифтер закончил зевать еще до начала подъема, а корректоры как несли, так и продолжили нести всякую чушь о дамах, с которыми познакомились накануне вечером – парочке продавщиц из универмага «Ванамейкерс». Лифтер открыл дверь на фут выше третьего этажа (гораздо чаще он открывал ее на фут ниже, но никогда не на уровне), и в кабину подъемника ворвались резкие запахи кофе и чернил, вместе с клубами сигаретного дыма.

Эллис вышел в редакцию местных городских новостей – мозговой центр газеты. В середине хаотичного лабиринта рабочих столов на своих местах вкалывали редакторы четырех главных отделов.

К счастью, признаков присутствия своего непосредственного шефа, заведующего отделом Лу Бэйлора, Эллис не заметил. А не увидеть его тучное тело с лысой головой было невозможно.

Эллис нырнул в самую гущу утреннего гула. Болтовня сотрудников и портативных радиоприемников состязалась с трескотней пишущих машинок и дребезжанием телефонов. Курьеры сновали взад-вперед, и каждый пытался наверстать упущенное за выходные. В лучших традициях постоянной гонки без финиша.

В нескольких шагах от своего рабочего стола Эллис почувствовал, как кто-то дернул его за локоть. Резко развернувшись, он увидел Лили Палмер, с кружкой кофе в руке.

– Господи, где вы были?

– Я... просто... мой будильник... он не зазвонил.

Лили была привлекательная, хоть и не типичная красотка в стиле Джин Харлоу. Ее каштановые волосы были заколоты в аккуратный пучок. А ее нос – тонкий, как и губы – был припорошен светлыми веснушками. Но сегодня внимание Эллиса приковали ее глаза. Не своими переливами зелени и меди, а искрящейся срочностью.

– Босс спрашивал о вас. Вам лучше сразу зайти к нему.

Эллис метнул взгляд на настенные часы, охватывавшие четыре временных пояса. Местное время было десять часов сорок две минуты. Неужели слухи о его конфузе уже долетели до Тримбла?

В большинстве газет такой величины главный редактор предоставлял выпалывать ежедневные сорняки заведующему отделом. Но как старший сын отошедшего от дел основателя газеты, Говард Тримбл изредка брался за решение даже

совсем незначительных проблем. Особенно когда эти проблемы требовали кого-то попенять или выбранный.

Как раз такой напыщенной отповеди и опасался Эллис.

– Дайте мне только минуточку – положить свои вещи...

Из своего кабинета в дальнем углу заорал Тримбл:

– Мне принесут когда-нибудь кофе или я все должен делать сам? И где, черт возьми, этот Рид?

Дверь босса была приоткрыта только наполовину, но его крик разнесся до самого цокольного этажа, где даже печатные станки вряд ли смогли бы его заглушить.

Лили вздохнула и выгнула дугой бровь:

– Пошли?

Эллис кивнул. Как будто у него был выбор.

Вдвоем они пересекли помещение, огибая ряды рабочих столов, подпертых столбцами из пачек газетной бумаги. В туфлях на низких каблуках и прямой черной юбке Лили молча шагала рядом с Эллисом. Всегда вежливая и любезная, но вместе с тем строгая, она никогда не заводила праздных разговоров. Только на этот раз ее молчание показалось ему пугающим.

А потом Эллис перехватил ее взгляд. Очень странный взгляд. Возможно, Лили знала что-то, чего не знал он?

– Что такое?

– Что-что? А, нет... ничего.

– Мисс Палмер. – Эллис остановил ее в паре ярдов от двери.

Лили заколебалась, но затем смягчилась.

– Вы... выглядите так, словно у вас выдалась тяжелая ночь.

Эллис вдруг увидел себя во всей неприглядности: лицо небритое, волосы нечесанные, костюм мятый, одет как франтоватый бродяга из подворотни.

– Секретное задание, – пояснил он.

Лили едва улыбнулась: уж больно банальной, к сожалению, вышла шутка. А уже в следующий миг ее губы выровнялись – она повернулась к кабинету босса. Эллис пригладил свои волосы – торчавшие как колючки ежа и все еще влажные – и последовал за ней внутрь.

На низком картотечном шкафу у открытого окна лезвия механического вентилятора тикали при каждом повороте.

– Чертовски вовремя! – пролаял из своего кресла босс. Его редко можно было увидеть без галстука-бабочки и очков на самом кончике носа. Немного полноватый, с бровями такими же густыми, как и его борода, Тримбл напоминал добряка-дедушку, пока не раскрывал рта.

Эллис угнездился в кресле для посетителей и, прислонив портфель к своей голени, приготовился выдержать торнадо. По обыкновению, стол главного редактора выглядел так, словно ураган уже по нему пронесся. Письма, папки, обрывки записок. Памятки, циркуляры, газетные вырезки. Этого вороха бумаг хватило бы, чтобы погрести под ним целое тело.

Несостоявшегося репортера, к примеру.

– Не забудьте о встрече в одиннадцать часов, – донеслись до Эллиса слова Лили, подавшей боссу кружку. – И еще звонила ваша жена. Она хочет узнать, где вы будете ужинать в пятницу.

Тримбл замер на половине глотка:

– Господи, я забыл зарезервировать места...

– Тогда я скажу миссис Тримбл, что ужин будет в «Каретном дворе». Они смогут принять вас в семь. Я намекну метродетелю, что у вас годовщина; пусть приготовят цветы и еще что-нибудь... особое, по такому случаю.

Намек на алкоголь был завуалирован только слегка; ведь даже в первоклассных ресторанах было в порядке вещей обменивать щедрые чаевые на вино или шампанское (разве что подавались они в посуде, не соответствовавшей подобным напиткам). При всех своих добрых намерениях сухой закон повысил не только желание публики пить в разы больше, но и коррупцию гангстеров, теперь заживших на полную. Не проходило и недели без новостей о таких типах, как Макс «Бу-Бу» Хофф и Мики Даффи или о банде Нига Розена.

– Тогда ладно... хорошо. – Тон Тримбла почти граничил с любезностью. Но уже через миг он отмахнулся от Лили и скосил свой тяжеленный взгляд на Эллиса.

– Итак, – произнес его рот, – Рид...

Эллис выпрямился в кресле:

– Да, сэр.

Глаза прошедшей мимо Лили точно пожелали ему удачи. А потом она захлопнула за собой дверь, и под дребезжание оконного стекла босс продолжил:

– Похоже, вы увлекаетесь натурными съемками.

Сбитый с толку, Эллис пожал плечами в ожидании разъяснения:

– Сэр?

– Как вы объясните вот это? – Тримбл выудил из папки на стол фотографию. С двумя мальчиками на крыльце, на фоне ужасной таблички у дома. Босс, без сомнения, увидел и другие его снимки. «Так вот в чем дело!» – У Эллиса противно засосало под ложечкой.

– Сэр, это просто... мне надо было убить время, после выставки рукоделия. Видите ли, день выдался жарким, и мой мотор...

Продолжать дальше не имело смысла. Разве можно было оправдаться за использование в личных целях фотокамеры и пленок, принадлежавших газете? За то, что ты снимал не то, что нужно, а что тебе понравилось, и проявлял потом негативы средствами, опять же принадлежавшими компании...

Тримбл откинулся назад и забарабанил пальцами правой руки по подлокотнику своего кресла – то ли размышляя, то ли готовясь к атаке. Молчание в такой ситуации показалось Эллису наилучшим вариантом.

– Сколько вы уже у нас работаете? Года четыре?

– Пять... на самом деле.

Это же формальность. Эллис моргнул – поправлять босса было неразумно. Но затем его же слова начали доходить до его же сознания.

Пять лет были пусть и не вечностью, но все-таки приличным отрезком времени. Потянув ляжку в «морге» (как метко прозвали сотрудники газеты архив, лишенный окон и изъеденный пылью), Эллис – совершенно естественно – поработал потом составителем некрологов. И в итоге взмолился о повышении. «Я возьмусь за все что угодно», – заявил он.

Как раз в это время по причине женитьбы из газеты уволился один из двух социальных журналистов. И Эллис задвинул свое мужское «эго» подальше. Эта работа была мостиком. К тому же он очень кстати узнал, что редактором отдела социальной жизни стал мистер Бэйлор (вместо коллеги, уволившейся ради ухода за матерью). Отчитываться ему было гораздо приятнее. А Говард Тримбл всегда с большим воодушевлением воспринимал все, что отвечало целям его газеты и обеспечивало ей успех.

Это было два года назад. Увы, несмотря на все свои последующие (и неоднократные!) попытки перейти в ранг настоящего репортера Эллис так и не продвинулся по службе. К счастью, большинство заданий, требовавших подробного описания кексов и шифонов, выполняла сотрудница почтенного возраста – миссис Дженкинс. Но Эллису все равно приходилось беспрестанно таскаться на галерейные выставки, чванные торжества, эпизодические встречи со знамени-

тостями и особенно любимые им благотворительные сборы средств. Их устраивали представители элиты, дабы умалить свою вину за игнорирование уличных бродяг по пути за покупками в магазины «Гимбел бразерс».

Если кто-то и заслужил право сетовать на то, что его ущемляют, так это был Эллис.

Его подбородок приподнялся, поддержанный всплеском гордости:

– Да, это так. Уже пять лет. И все это время я отдавал всего себя делу. Работал практически все выходные, бывал на всех мероприятиях, освещать которые мне поручали. И никогда не жаловался. Так что, если вы собираетесь наказать меня выговором или уволить из-за пары паршивых снимков, что ж – валяйте!

Разум попытался охладить парня; время, чтобы лишиться работы, было неподходящим. И – Бог свидетель – он бы никогда не приполз за помощью обратно к отцу. Ну и ладно, к черту все!

На лице босса не отразилось никаких эмоций:

– Вы закончили?

Эллис отбросил все крупички сожаления и ответил кивком.

– Вот и прекрасно. – Тон Тримбла остался ровным, но натянуто-напряженным. Как проволока, резонирующая звук при каждом слоге. – А я вас вызвал по другой причине. Поручить вам написать очерк. Историю этой семьи, проиллю-

стрированную вашей фотографией. Надеюсь, это не потребует от вас слишком много усилий.

Эллису показалось, будто тикавший вентилятор высосал из комнаты весь воздух.

Он сглотнул и подавил огромное желание расстегнуть воротник. Покорность сжала его тело до размера жокея. Сменив настрой, парень попытался вести себя естественно. Осмотрительно. Взвешенно. А не как полный осел.

– Конечно, сэр. Отличная идея. Я займусь этим прямо сейчас.

Босс ничего не ответил.

Эллис вскочил, чуть не позабыв свой портфель, и резко развернувшись, поторопился уйти (пока босс не передумал).

Не успел он выйти за дверь, как его лицом завладела улыбка. Все эти банальные статейки, пустые мероприятия, годы терпения и стойкости... Наконец-то они принесли результаты! И, наверное, были не напрасны.

Сквозь привычный бедлам Эллис уже уверенной поступью пошел к своему столу. Но прислушался к голосу разума и попытался обуздать чрезмерный энтузиазм. Очерк еще надо было написать. А затем получить одобрение. Значит, все в его статье должно было быть безупречным: ясно выраженные мысли, сильные цитаты, меткие наблюдения, хлесткие замечания, критические выводы. И, главное, неоспоримые факты! Эллис уже планировал свою поездку обратно в округ Ланкастер, когда в памяти всплыла картинка сельско-

го дома.

Его шаги замедлились.

Идея проинтервьюировать родителей (не говоря уже о мальчиках)... Что-то в ней ему показалось неправильным.

Эллис попытался отбросить сомнения – в погоне за резонансной статьей репортеры типа Клейтона Брауэра безо всяких колебаний накинулись бы на несчастную семью. Но он-то сознавал: эти люди не являлись ни политиками, ни кинозвездами, которым лишний раз оказаться в центре внимания было только в радость. Вряд ли они желали стать объектами широкого обсуждения. А обсуждение могло получиться громким и животрепещущим, мягко говоря. Стоила ли правда того, чтобы еще больше усугублять проблемы горемычного семейства? Ведь могло оказаться, что отец-пьяница проматывал все деньги. Или мать попросту устала от своей тяжелой ноши. Но в любом случае больше всего пострадали бы дети!

Эллис предпочел бы не рисковать. Надо было найти другой подход, без подробностей, способных навредить. Только сделать это следовало поскорее. Протяни он слишком долго, и интерес босса пропадет. А с ним канет в Лету и перспективное предложение.

Эллис посмотрел на настенные часы. До следующего приема босса еще оставалось время. Хотя и не слишком много.

Не дожидаясь, пока сомнения заставят его передумать, Эллис пошагал обратно к угловому кабинету. И, уже заходя в

него, сформулировал обращение, остро сознавая все риски.

Внимание Тримбла переключилось на кипу газетной бумаги. Он лишь мельком посмотрел на Эллиса, которому принятое решение принесло неожиданное успокоение.

– Сэр, вы знаете, тут есть одна загвоздка. Понимаете, я не вполне уверен, что эта семья будет мне благодарна, если я начну бомбардировать их вопросами...

Эллис не успел договорить, как ему прилетел ответ:

– Тогда запишите мне, где находится этот дом. Я подключу другого автора.

– Что? Но... я не имел в виду...

Послышался легкий стук в дверь, и в кабинет заглянула Лили:

– Простите, что прерываю вас, мистер Тримбл, но председатель союза профессиональных спортсменов уже здесь и ждет с вами встречи.

Босс глянул на часы:

– Да-да. Пусть заходит.

Лили кивнула и вышла из кабинета. Эллиса охватила паника. Верный шанс добиться прорыва в карьере ускользал.

– Я пытался сказать только то, что... ну, в общем, эта фотография отражает историю не одной семьи. – Покосившись через плечо, Эллис увидел приближавшуюся Лили. И поспешил продолжить, невзирая на раздражение, явно нараставшее у босса: – Подобные истории не редкость. И статья, на мой взгляд, должна в первую очередь вскрыть, почему такое

случается до сих пор. Это проблема не одной семьи, вот в чем дело.

Последовала долгая пауза; покрепче зажав свой портфель под мышкой и затаив дыхание, Эллис застыл в ожидании.

Наконец Тримбл покачал головой, словно не одобряя собственное решение:

– Ладно. Пишите.

Эллис с облегчением выдохнул, но сообразил, что дольше задерживаться в кабинете и открыто торжествовать не стоит.

– Спасибо, сэр. Большое спасибо. – Попятившись, он чуть не налетел на Лили, вошедшую в кабинет вместе с гостем. Эллис посторонился, уступая им дорогу, а затем устремился к своему рабочему столу.

В столь возбужденном состоянии он почти позабыл про свою текущую статейку. Он быстро подыскал к ней подходящее фото (к счастью, без зазора), сдал в набор и опустился в кресло.

Через два стола от него Клейтон Брауэр без передышки печатал что-то на пишущей машинке двумя указательными пальцами. Полностью оправдывая свою родословную, парень обладал правильными чертами лица, широкими плечами и точностью германского станка. Из уголка его рта, как обычно, свисала наполовину выкуренная сигарета. А лицо лоснилось самодовольством – и не без оснований, вызывавших зависть.

В мире новостей подавляющее большинство даже нели-

цеприятных статей публиковалось без подписи. Стандартная практика любой авторитетной газеты. Но благодаря своим броским историям о преступности и коррупции Клейтон Брауэр добился того, что его имя стало мелькать на страницах «Экземайнера» – и даже на первых полосах – чаще, чем Эллис мог подсчитать.

Очерку Эллиса явно не светило быть напечатанным на первой странице. Но теперь он оказался намного ближе к той заветной строке, под которой могла появиться его подпись. Более того – к написанию статей, несравнимых по своему значению с тем, что он кропал до сих пор.

Свернув трубочкой свежий номер газеты, Эллис убрал ее в свой «Роял». И в поисках вдохновения еще раз рассмотрел снимок. Несомненно, подходов к подаче материала имелось множество. Было из чего выбрать. Пальцы парня зависли над клавишами машинки в ожидании подходящих слов. Чего-то провокационного. Сразу пробуждающего интерес.

Может быть, даже... творческого.

Глава 4

Прошла неделя. В один из вечеров в пансионе, выйдя из ванной, Лили услышала свое имя. Уши по привычке навестились. За приоткрытой дверью спальни ее обсуждали две новые жилички.

– Она немного высокомерна, ты не находишь?

– Не знаю... Мне она кажется слишком скромной и правильной...

Эх, если бы они только знали!

Державшаяся особняком и не склонная делиться своими тайнами, Лили не могла обижаться на такие слова. Она отнюдь не была «старой курицей» – в свои-то двадцать два года! Но ее приоритеты слишком сильно отличались от ценностей и предпочтений других молодых квартиранток. По вечерам они обмусоливали слухи о знаменитостях, обсуждали последние звуковые фильмы или парней, на которых положили глаз на недавних танцульках. Поначалу некоторые девушки уговаривали Лили пойти туда с ними, но она всегда отказывалась. И вскоре у них отпало желание тратить на «снобку» свои усилия. Какой смысл? Пусть живет своими интересами...

А в чем заключались ее интересы, Лили напомнили уже на следующий день. Она сидела на тенистой лавочке Франклин-сквер. Вокруг гуляли и болтали влюбленные парочки

и счастливые семьи. Лили вздохнула и погладила овальный медальон в ложбинке на шее. В памяти всколыхнулся прощальный поцелуй Сэмюэла... Его печаль – зеркальное отражение ее собственной грусти. «Скоро все будет по-другому», – сказала ему на прощание Лили. Увы, эту фразу она повторяла уже столько раз, что сама начала сомневаться в своем обещании.

От таких мыслей у Лили пропал аппетит.

Она забрала с лавочки свою книгу и судок с ланчем и направилась к издательству. От влажности и пота чулки прилипли к коже. У нее еще оставалось свободное время, но Лили решила срезать путь через парк. Она как раз проходила мимо центрального фонтана, когда услышала сигнальные гудки и крики. Прямо на дороге затеяли разборку таксист и водитель грузовика с мороженым. Их красноречивая перепалка не оставила Лили равнодушной. С минуту поглазев на забияк, она заметила знакомую фигуру, сидевшую у основания большого дуба.

Эллис Рид записывал что-то карандашом в карманный блокнот и столько же и вычеркивал. На побуревшей траве валялись скомканные страницы. Такое рвение было понятным Лили. Ведь она действовала примерно так же в свои лучшие деньки – когда работала над сводкой школьных новостей.

После того, как Лили узнала о новом задании Эллиса, ее всю неделю подмывало поинтересоваться его успехами. Снимок двух мальчиков до сих пор бередил ее сердце. Но, по-

хоже, дело продвигалось с трудом – Эллис скомкал очередную страницу и с яростью бросил наземь. Потревоженная дикая утка недовольно крякнула и замахала крыльями, а потом вперевалку отошла в сторону.

Эллис разочарованно привалился к дереву и скрестил на коленях руки. Его шляпа упала на землю, присоединившись к карандашу и блокноту, сдавшимся в поражении. С плеч Эллиса обреченно сползли даже подтяжки, пристегнутые к темным брюкам, которые он носил без пиджака, с белой рубашкой с неровно подвернутыми рукавами.

Интуиция предостерегла Лили: не вмешивайся. Но было уже слишком поздно. Ведь отчасти именно она являлась виновницей затруднительного положения Эллиса. И меньшее, что она могла сделать, – это постараться его подбодрить.

Приблизившись к дереву, Лили оценила объем отвергнутых страниц и выбрала соответствующую манеру поведения.

– Знаете, – постаралась она завладеть его вниманием, – если вы хотели избавиться от той бедной утки, то дробь была бы эффективнее.

Узнав ее, Эллис расслабился. Он бросил взгляд на птицу и пробормотал:

– Только сделанная из желатина.

Лили в немом вопросе склонила голову набок.

Эллис вроде бы собрался ей что-то объяснить, но потом потряс головой:

– Это отдельная история. – Его бледно-голубые глаза

вспыхнули слабым блеском. Немного помолчав, он указал на место рядом с собой: – Не желаете... присесть?

Лили не планировала задерживаться, но испытала неловкость, нависая над Эллисом в ходе беседы. Когда она кивнула, он схватил свою брошенную куртку и поспешил растелить ее на траве. Будучи в юбке, Лили опустилась на нее очень аккуратно (эх, как кстати ей пришлось бы сейчас белье без пояса, которое она надевала по выходным!) и положила сбоку свои вещи. Эллис попытался было распрямить свой черный галстук, непринужденно болтавшийся на расстегнутом воротнике, но тут – громко, как взревевший мотор – заурчал его живот.

Лили как ни старалась, но сдержать смехок у нее не вышло.

– Вот что значит – пропустить ланч, – смутился Эллис.

Лили залезла в свой судок и достала из него последнюю половинку бутерброда:

– Пастрами и швейцарский сыр на ржаном хлебе.

Эллис поколебался лишь секунду, а затем принял угощение.

– Спасибо. – От улыбки на его щеках появилась пара изогнутых, как скобочки, линий.

Они напомнили Лили ямочки Сэмюэля – такие же очаровательные. И кожа у Эллиса имела такой же оливковый оттенок.

Лили вернулась к делу:

– Я так понимаю, со статьей пока туговато.

Эллис заглотив бутерброд и тыльной стороной ладони стряхнул с губ крошки.

Разочарование вернулось к парню.

– Я просто не понимаю, чего именно хочет шеф, – пожал он плечами. – Ладно, ему не понравился мой первый вариант. Но я вложил все, что мог, в следующий. Провел почти неделю, подбирая каждое слово.

Лили не читала ни одного чернового варианта его очерка. Но, по отзывам шефа, догадывалась, в чем крылась проблема. «Пресная, как сухарь недельной давности», – красноречиво охарактеризовал он мистеру Бэйлору вторую версию Эллиса. И всем стало понятно без слов: если шеф зарубит и его третий вариант, продолжения не будет.

– А о чем там шла речь? – спросила Лили.

– В последнем черновике?

Лили кивнула, искренне заинтересованная.

– Ну... в основном там критиковался тариф Смута-Хоули.

Похоже, замешательство Лили отобразилось на ее лице. Потому что Эллис расправил плечи и продолжил, как будто выступал перед третейским судьей:

– Знаете, кучка тех затейников-законодателей в округе Колумбия – они клялись и божились, что этот тариф принесет выгоду всем американцам. А в итоге? Пошлины на американские товары только повысились. Этот закон оказался выгодным только британцам.

Лили полностью разделяла мнение Эллиса, но уловить связь между законом и статьей о детях ей не удалось.

– А... фотография, которую вы сделали?

– А разве вы не понимаете? Это наглядное доказательство того, как сильно ошиблись эти законотворцы.

Такая причинно-следственная связь была слишком далека от того отклика, который снимок вызвал в душе Лили.

Она так и не нашлась что ответить, и лицо Эллиса заметно приуныло.

– Вы, как я вижу, этого не одобряете. – Он все же сумел выдавить слабую улыбку.

Интуиция Лили не обманула: ей не следовало останавливаться и заводить разговор. Попытка помочь только все ухудшила.

– Уверена, вас осенит еще какая-нибудь идея, – сказала Лили и скупно добавила: – Не сдавайтесь раньше времени.

В глазах Эллиса блеснуло недоумение:

– Сдаться? Отказаться от этого – да ни за что!

Лили встревожилась: вдруг он неправильно истолковал ее слова и обиделся? Но только на мгновение. Эллис кипел решимостью достигнуть своей цели. Возможно, по этой причине Лили почувствовала желание подтолкнуть парня (чего она обычно делать избегала). Нужно-то было малое – лишь откровенно выразить свое отношение к этому душераздирающему снимку. Не для нее, конечно. Для других.

– Скажите, мистер Рид, а что эта фотография значит для

вас? На самом деле?

Эллис сдвинул брови. Вопрос застал его врасплох.

– Почему-то мне кажется, – дерзнула продолжить Лили, – что, когда вы ее делали, вы не размышляли ни о каком тарифе и ни о каких законодателях в Колумбии. О чем вы подумали, когда впервые увидели этих ребят?

Эллис открыл было рот, но тут же его закрыл; ответ остался за замком плотно стиснутых губ. «Да пусть пишет что хочет! Хочет найти экономическую подоплеку – пусть ищет», – решила уже Лили. И в этот момент Эллис прохрипел так тихо, что она еле услышала:

– Я подумал о своем брате. Каким бы он был сейчас.

Лили кивнула, пытаясь скрыть удивление. Очевидно, его брат умер. Но показательней было то, что Эллис держал эту часть своего прошлого в тайне. Как реликвию на пыльном чердаке.

– Я не сразу это осознал, – продолжил он. – Но именно этим привлек меня тот дом. А затем я увидел ту табличку. – Парень помотал головой, словно вспомнил ее слова. – Я, конечно, должен был прийти в ужас: как родители могли на такое решиться – взять вот так и выставить детей на продажу? Но я не испытал ничего подобного.

– Нет?

– На обратном пути я продолжал думать об этих мальчишках. О том, как многое в жизни им неподконтрольно. Они не просили родителей их продавать, а те почему-то решились

на это. Мы, взрослые, любим сетовать на неспруху, на то, как нам тяжело, а такие ребятишки... их жизнь вдруг меняется в одночасье, за считанные доли секунды, они даже пискнуть не успевают... Куда уж там – на что-то повлиять...

Обретя уверенность, Эллис заговорил быстрее:

– Даже когда жизнь совсем плачевная, большинство детей не унывают, потому что... ну, наверное, потому что просто не знают, что жизнь бывает лучше. Они понимают, насколько несправедлива их участь, только когда вы им об этом говорите. Но даже если бы они сознавали это сами... Им хватило бы и крошечного лучика надежды, чтобы добиться всего, чего бы они пожелали... – Эллис внезапно замолк; он и так высказал гораздо больше, чем намеревался.

Лили не сдержала улыбки. В словах Эллиса было столько пылкости и искренности! Как и в своих фотографиях, он уловил нужный ракурс, глубинную суть деталей и особенностей, которые большинство людей обычно не схватывают. Вот этим-то мнением и следовало с ними поделиться.

– Мистер Рид, – сказала Лили, – я думаю, что вы нашли свою историю.

Эллис сузил глаза, словно оценивая статью в новом ключе. И на его лице заиграла улыбка – слишком теплая, что выбило Лили из колеи.

– Я, пожалуй, пойду. – Она поспешно поднялась и подобрала с травы свои вещи. А когда Эллис из вежливости тоже начал вставать, Лили замахала руками: – Сидите-сидите! У

вас еще полно работы.

Эллис кивнул – с этим трудно было поспорить.

– Я – ваш должник, мисс Палмер.

– Рада была вам помочь, – кинула Лили и оставила его размышлять и кропать свой очерк дальше.

По правде говоря, самой ей откровенничать не хотелось. Ни о собственной реакции на снимок, ни о том, что побудило ее показать фото боссу и навести его на мысль о публикации.

Возможно, в основе этого решения – в большей степени, чем все остальное, – лежало острое желание почувствовать себя не одинокой в том страшном выборе, который она допустила однажды.

Но каковы бы ни были причины, нужды вдаваться в подробности не было. Она и так сказала достаточно, чтобы помочь.

Глава 5

Вердикт был вынесен. Статья получила добро, через мистера Бэйлора. Эллис ощутил такую легкость в ногах, что только чудом не взмывал к потолку новостного отдела. Да, было бы неплохо услышать мнение самого босса, но стоило ли теперь беспокоиться по пустякам? Если все получится, он скоро будет вести колонку городских новостей! Подбираясь все ближе и ближе к криминальной хронике или политическим темам. Поверить в это было не так уж и сложно, учитывая недавние события.

Эллиса попросили показать другие подобные фото – «человечные», с «ударом под дых» (в чем и была их изюминка). И поручили написать к ним статьи. Не теряя время, он уселся за стол и перебрал свою личную папку со снимками. Но ничего полезного не обнаружил.

Большинство фотографий хранилось у Эллиса на квартире, но и они немногим отличались от тех, что лежали перед ним на столе. Что ж, теперь он будет прочесывать улицы и переулки, причалы и скотные дворы, смотря в оба глаза и не выпуская из рук заряженный фотоаппарат.

– Привет, Рид! – окликнул его журналист по прозвищу «Жердь», пишущий о проблемах рабочего люда. Худющий парень с чуть выпученными глазами, он налил себе кофе из кофеварки. И находился от Эллиса не более чем в десяти

футах. Но, только заорав, смог перекричать двух коллег, о чем-то бурно и громко споривших. – Слышал о твоём очерке. Молодчина!

Несколько репортеров тут же посмотрели в сторону Эллиса. Через несколько секунд их интерес переключился, и они снова занялись сверкой фактов, звонками и правками. Но гордость парня успела раздуться.

Не желая показаться чересчур равнодушным к похвалам, он ограничился в ответ признательным кивком. А «Жердь» добавил:

– Ребята тут собираются на ланч – в новый кабак на 5-й улице. Если у тебя есть время, присоединяйся.

– Да, конечно, – снова кивнул Эллис, напустив на себя еще больше безразличия.

«Жердь» улыбнулся, опрокинул в себя залпом кофе – наверное, пятую чашку за утро – и начал пробираться к своему столу.

Ведущие журналисты предпочитали обедать вне стен редакции – своим «узким кругом». Примерно год назад или около того Эллису довелось оказаться в том же ресторане, куда пришли эти ребята. Получив приглашение присоединиться к ним, он подсел за их столик.

Увы, в конечном итоге их «светская» болтовня свелась к саркастическим остротам над Эллисом, уподобившим его сотруднице женского журнальчика, пишущей душещипательные статейки. А потом последовали другие шутки, Эл-

лису совершенно непонятные, и смакование студенческих воспоминаний, которых у Эллиса не было. В итоге он предпочел ускользнуть из-за стола. Но придуманный им наспех предлог для оправдания своего поспешного ухода явно пришелся не по душе тем ребятам.

Но теперь, после похвалы из очереди и четко прозвучавшего приглашения, дело принимало иной оборот...

Мысли Эллиса прервала бордовая вспышка. Блузка Лили! При виде девушки, стоявшей в одиночестве, Эллис оживился. В нескольких столах от него Лили остановилась, чтобы набросать какие-то пометки в узком блокноте для стенографирования. То, что день для Эллиса выдался удачным, придало ему уверенности. Так или иначе – ему нужно было действовать!

Эллис пошагал вперед, стараясь не показывать вида, будто спешит. Лили уже собралась отойти в сторону.

– Мисс Палмер!

– Угу, – ответила она рассеянно.

Стоило ей оторвать глаза от своих записей, и Эллис продолжил:

– Я просто хотел вам сказать... на тот случай, если вы еще не слышали. Мою статью о тех детях напечатают в номере к четвергу.

– О, мистер Рид. Это замечательно! – Лицо Лили осветилось энтузиазмом.

Хороший знак! Способный успокоить его взбудоражен-

ные нервы, если бы не монотонный стук пишущей машинки Клэйтона, печатающего за соседним столом. Его точный ритм заметно замедлился, пока Эллис подбирал следующие слова.

– Что-то еще? – В голосе Лили, хоть все еще любезном, проскочили нотки нетерпения. Шеф уже наверняка ей надавал тысячу и одно поручение.

– В общем-то, да, – замялся Эллис. Он предпочел бы не касаться своего нового задания для колонки «Наше общество», но вынужден был его приплести: – Сегодня вечером в Музее изобразительных искусств открывается новая выставка. Мне поручили ее освещать. Древние коллекционные редкости из Китая. Невероятно интересно! Там будет что посмотреть.

Лили кивнула, ожидая, пока Эллис договорит.

– Там... там будет прием для важных «шишек» и представителей прессы. Закуски, напитки, музыка и всякое такое.

Конечно, такая девушка, как Лили, заслуживала ухаживаний по всем правилам – поездок в экипаже, билетов на симфонический концерт, ужина в «Ритце». Увы, ничего этого Эллис позволить себе не мог. Но после их разговора в парке – на удивление такого душевного, такого искреннего, когда Лили так истово пыталась ему помочь и так мило зарделась в ответ на его улыбку, – Эллис решил: шанс у него есть. И использовать его стоит, даже если в музее придется платить.

– Я только... хотел у вас узнать, – выдавил наконец па-

рень. – Не хотели бы вы туда сходить?

Глаза Лили чуточку расширились:

– А-а-а! Понимаю...

Последовала пауза; она продлилась всего несколько секунд, но Эллису показалась бесконечной. Разволновавшись, что он не так истолковал знаки, он поторопился скорректировать приглашение:

– Я сознаю, что обратился к вам поздновато... Так что не переживайте, если вы не сможете пойти. Просто я подумал, что это хороший способ выразить вам свою благодарность... за помощь.

– О, это совсем не обязательно. – Лили прижала к груди свой блокнот. А ее щеки снова порозовели. Хотя, по правде говоря, причиной тому могла быть полуденная жара. – К сожалению, сегодня вечером у меня много дел. Но я вам очень признательна за приглашение.

– Тогда, может быть, в другой раз?

По опыту общения с несколькими девушками во время и после учебы в школе Эллис знал: следующий ответ Лили (и, главное, ее тон!) прояснит ее отношение к нему. Но прежде чем Лили успела ответить, откуда-то сбоку между ними вклинился мистер Бэйлор. Румянец на непокрытой голове шефа придавал ему сходство с сигнальным фонарем.

– Рид, нам надо поговорить.

И Лили при этих словах удалилась.

Эллис с трудом подавил раздражение. Ему потребовалось

время, чтобы перестроиться и сосредоточиться на том, что ему втолковывал мистер Бэйлор. Что-то случилось... с фотографией... той, с детьми... негатив...

У Эллиса включилось внимание:

– Подождите... как так?

Мистер Бэйлор сердито запыхтел. Он не любил себя повторять:

– Я же вам говорю – этот чертов негатив испорчен.

– Испорчен?

– Новый болван из наборного цеха пролил чернила. Стал вытирать. Кончилось все тем, что он опрокинул еще и отбеливатель. Ваша папка оказалась в числе пострадавших. Копия статьи сохранилась, а вот негатив загублен. Нам нужна замена.

Эллис уставился на шефа – ошеломленный тем, как все обернулось. А уже в следующий миг он почувствовал, как его грудь сжимает лассо ужаса.

– Но... у меня нет другого негатива...

– Ну, снимок не обязательно должен быть тот же. Довольно будет похожей, подходящей к теме очерка, фотографии.

Когда Эллис наткнулся на тех мальчишек, он даже не подумал, что их снимок пригодится ему в работе. Это же был не благотворительный вечер. Или какое другое мероприятие из тех, что он освещал последние два года. Их фотографий у него хранились горы.

Но снимок двух мальчиков... Он сделал только один.

Мистер Бэйлор вздохнул:

– Послушайте, мне очень жаль, что так вышло. Но я уверен, что вы подыщете снимок, который устроит босса.

Как по заказу, из своего кабинета выглянул Тримбл и кивком призвал к себе мистера Бэйлора. Тот поднял руку в согласии. Обернувшись к Эллису, он добавил:

– Только принесите мне снимок до конца этого рабочего дня, хорошо? – и не дождавшись ответа, шеф устремился прочь.

И слава Богу! Потому что Эллис не знал, что ответить. На самом деле ему даже вряд ли бы удалось обрести голос.

Густая струя дыма хлынула ему в лицо; глаза защипало. Клейтон прервал свое неумелое печатание на машинке, чтобы закурить новую сигарету. Стряхнув крупы табака с нижней губы, он поднял свой квадратный подбородок к Эллису:

– Не принимай так близко к сердцу, парень. Это же не конец света!

В тоне Клейтона не было сарказма. Но когда он, засунув себе в рот сигарету, вернулся к работе, изгиб его губ приобрел все признаки самодовольной ухмылки.

Борясь с натиском разочарования и страхов, Эллис пошагал обратно к своему столу. В ряду настенных часов секундные стрелки без устали бежали вперед. Да так быстро, словно наперегонки. А местное время было восемь минут двенадцатого.

С его планами на ланч можно было распрощаться.

Эллис постарался собраться и сохранить спокойствие. Для спасения ситуации была еще масса времени. Плюс-минус шесть часов. Он мог выпросить у мистера Бэйлора позволения запустить статью самостоятельно.

Хотя... учитывая нрав шефа, это было крайнее средство.

Эллис начал перебирать в голове прочие варианты. Хотя уже осознал: он просто пытался обойти самый очевидный выход из положения.

Далеко не идеальный... Но разве у него имелся выбор?

* * *

И снова он не обнаружил никаких признаков чьего-либо присутствия внутри. Дом все так же выглядел безжизненным. На этот раз не было даже детей на его крыльце.

Эллис ступил из припаркованной машины в присыпанную галькой грязь. Прошло всего несколько недель с того раза, когда он здесь проезжал. И можно было смело предположить, что братья-мальчуганы еще оставались в семье. Проселочная дорога пребывала в таком состоянии, что у водителей не возникало желания свернуть на нее безо всякого дела. Однако деревянной таблички о продаже детей нигде видно не было. На какой-то момент Эллис представил себе юных братиков, то, что с ними могло произойти, и исход его миссии подернулся туманом.

Он провел в дороге сорок пять минут – достаточно времени для того, чтобы усомниться в своем первоначальном решении и задуматься о других вариантах.

Эллису даже пришлось себе напомнить о посыле собственной статьи, о надежде и решимости, которую она должна была разжечь в сердцах нуждавшихся людей.

Конечно, было бы ложью утверждать, что поехал он в Ланкастер исключительно во благо других. Выросший в доме рядом с тенью призрака, Эллис рано усвоил: очень важно – чтобы тебя заметили.

Но разве не этого желали в глубине души все люди? Разве не всем хотелось, чтобы их жизнь что-либо да значила? Разве не все мечтали оставить по себе след? Чтобы их помнили...

Да, Эллис приехал сюда ради себя, ради своей будущей карьеры.

Однако, очутившись снова возле этого серого сельского дома, посреди молчаливых полей, все, что он смог вспомнить – это те мальчишки и их глаза... и свое неодолимое желание хоть чем-нибудь им помочь.

Эллис начал медленно подниматься по ступеням крыльца; в кармане его брюк зашуршала пара однодолларовых банкнот.

Он схватил эти деньги в своей квартире, куда заехал по дороге. Эллис решил предложить их родителям мальчиков. Еще до того, как их сфотографировать. Обыкновенное вознаграждение за несколько снимков – так он сказал бы их от-

цу, окажись он «гордым». На эти деньги родители смогли бы купить детям молоко, немного масла и хлеба. Даже мясо и картошки для рагу.

Конечно, Эллис бы остался без денег на арендную плату и рисковал быть выселенным домовладельцем, чья терпимость к просрочке платежей распространялась только на красивых девушек и некоторых пожилых жильцов. Но он бы выкрутился! Пообещал бы хозяину с лихвой покрыть все неустойки; ведь за несколько новых статей ему светил приличный заработок.

Светил... теперь его перспектива становилась призрачной.

Эллис распахнул сетчатую дверь и постучал.

Подождал и постучал еще раз. Уже громче.

Опять никого и ничего.

И тут он заметил дранку. Она лежала в дальнем углу крыльца, поверх кучки старых дров. Эллис отпустил сетчатую дверь, и та, противно задребезжав, закрылась. А он подобрал дощечку и, стараясь не пораниться о расщепленные края, перевернул ее.

«Продаются двое детей».

Вокруг Эллиса не было ни стеклянных шариков, ни других игрушек или маленькой обуви. Никаких подтверждений того, что дети еще не были проданы. Тому, кто больше заплатил. Или – что еще вероятнее – любому, кто предложил за них хоть какие-то деньги.

– Их больше нет, если что.

Эллис обернулся, испугавшись сначала голоса, а потом произнесенных им слов. У подножия крыльца стояла девочка лет семи, держа сбоку от себя букет одуванчиков. Надетый на ней комбинезончик без рукавов закрывал грудь ее маленькой и тоненькой фигурки, но был слишком короток, чтобы спрятать голые ступни и щиколотки.

Эллис собрался с духом:

– Ты говоришь о двух мальчиках, которые здесь жили?

Девочка кивнула, тряхнув белокурыми прядями, выбившимися из завязанного на макушке хвостика.

– И остальных тоже нет. Мама сказала, что их папе, наконец-то, повезло. Он получил работу на мельнице в округе Бедфорд, причем в самый последний момент. Мистер Клаузен грозил... вы знаете мистера Клаузена?

Эллис помотал головой.

Девочка фыркнула себе под нос:

– Тогда вы ничего не потеряли, это точно. Мистер Клаузен владеет здесь кучей домов, а сам похож на картофелину. Знаете, такую старую, бугристую картофелину, у которой отовсюду лезут ростки. И если вы не платите вовремя за аренду, этот человек выпускает клыки, как злобный енот. – Лицо у девочки приобрело такое выражение, будто она своими глазами видела эти клыки.

Из того, что она ему рассказала, Эллис понял: семья мальчиков в доме больше не проживала.

– Что ж, это хорошие новости, насчет работы. – Он постарался, чтобы его голос прозвучал довольным. Эллис обрадовался за семью. Правда обрадовался. Только эгоистично пожалел, что не повел себя предусмотрительно раньше. И не сделал больше фотографий, когда ему представилась такая возможность.

– А вам это не нужно? – спросила девочка

Эллис не понял связи.

– Всего один цент за букет. Я его сделала сама. Видите? – Девочка протянула ему одуванчики, сплетенные в несколько пучков, по десятку в каждом. Некоторые от жары уже поникли. Похоже, маленькая цветочница это тоже заметила: – Немного воды, и они снова поднимут головки. Даю вам слово! – Твердый кивок, которым сопроводила свое обещание девчушка, был явно призван убедить собеседника: в чем в чем, а в этом вопросе она разбирается.

Эллису действительно нужно было копить каждый цент – теперь даже больше, чем прежде. Но он посмотрел на ее впалые щечки и розовый, закругленный носик, а потом заглянул в светло-карие глазки. Они сверкали такой надеждой! И как он ни старался, но отказать девчушке не смог. Лишь вздохнул.

– Дай-ка я проверю, что у меня есть, – сказал он и сошел с крыльца вниз.

Девочка ухмыльнулась в предвкушении, а Эллис, порывшись в кармане своих брюк, нашел три монетки по центу.

Его первым побуждением было отдать ей только один. Но уроки, впитанные им за годы посещения воскресных богослужений с матерью (и отцом тоже, хотя только в физическом смысле), подвигли парня проявить христианскую щедрость. А ведь еще несколько минут назад он был готов отдать целых два доллара семье, которую даже не знал.

– Сколько дадите, столько возьму, – вмешался в его мысли голосок.

Эллис положил в ладошку девочки монеты. Она вытаращилась на них так, словно получила горсть редчайших драгоценных камней. Но уже через пару секунд резко замаскировала свою безудержную радость деловитостью честного коммерсанта.

– За это вам положено три букета. – Оставив себе только один пучок увядших одуванчиков, девочка вручила остальные Эллису.

Вот уж кстати – для погребения его карьеры...

– Приятно было пообщаться с вами, мистер. – Девчушка почти согнала с лица довольную улыбку. Хотя блеск в глазах ее выдавал. Не дожидаясь, пока Эллис передумает, она благоразумно побежала прочь с зажатыми в кулачке центами. В один миг пересекла дорогу и помчалась по длинной, грязной подъездной дороге, что вела к другому дому.

По щеке Эллиса скатилась капелька пота. Но он даже не озаботился тем, чтобы ее смахнуть или вытереть. Послеполуденное солнце немилосердно припекало ему спину. А пле-

чи уже норовили согнуться под гнетом тяжкого, душного воздуха и проблемного дня.

«Сдаваться рано!» – отозвались эхом в его памяти слова Лили.

Опустив глаза вниз, Эллис осознал, что все еще держит в руках деревянную табличку. Он же может сфотографировать ее вместе с домом на заднем плане! Конечно, этот снимок не будет производить такого сильного впечатления, как фотография мальчиков. Но все лучше, чем ничего!

Эллис открыл дверцу машины, положил табличку и цветы на переднее сиденье и достал из своей рабочей сумки заряженную фотокамеру. Слишком быстро выпрямившись, он стукнулся головой о потолок. От удара автомобиль заскрипел, и Эллис, чертыхнувшись, стиснул зубы.

Потирая ушиб фетром шляпы, он уголком глаза заметил шустрюю девчушку. Остановившись у большой яблони позади дома через дорогу, она махала рукой мальчугану, сидевшему на ветке. Наверняка хвасталась своей удачной сделкой. Мальчик, явно младше сестры, тоже был в комбинезоне – с оголенной грудью и босоногий.

Несмотря на пульсацию в голове, Эллиса осенило. Эти дети слились в его воображении вместе. Словно струйки пота на коже или капельки дождя, растекшиеся по траве. Лишь немного видоизмененная форма!

У него была табличка. И сцена. Не хватало только пары ребятишек. А вдруг – во дворе играл брат этого мальчика?

Или кузен? Или пусть даже приятель?

Черт возьми! Да даже если у него нет брата, сойдет и сестра! Одета она, как пацан, и волосы зачесаны назад. Кто заметит подмену? Разве только те, кто видел первый снимок. Хотя и они вряд ли его пристально разглядывали. Это была не та тактика, которую предпочитал Эллис. Но успех репортера зачастую зависел от его способности проявлять находчивость.

К тому же, если уж три цента так легко приподняли этой девчущке настроение, то, возможно, и ее родителей воодушевят две долларовые купюры. Заплатить им – то же самое, что заплатить моделям за рекламу модных безделушек в женском глянцевоm журнале. Разве нет?

Эллис проверил свои карманные часы. Половина второго. Времени на размышления о том, что правильно, что нет, что благоразумно, а что опрометчиво, уже не осталось. Он быстро запрыгнул в машину и завел мотор.

Глава 6

Сидя за своим столом, Лили оглядела новостной отдел, убедилась, что ее никто не услышит, и подняла телефонную трубку.

С тех пор, как она утром отклонила приглашение Эллиса, ее изводило желание его принять. А почему бы и нет? Учитывая еду, что ожидала ее в пансионе.

Каждый вторник в обязательном порядке на ужин подавался пудинг с говядиной и почками – любимое кушанье если не постояльцев, то британской домовладелицы.

Да и если уж начистоту, выход в свет привлекал Лили не столько едой, сколько возможностью побыть в обществе. Иначе остаток вечера она бы неминуемо провела за чтением книги в своей убогой спальне. Хотя... все, что напоминало свидание, до сих пор представлялось ей неприемлемым без участия Сэмюэла. Воспоминание о нем разбередило сердце Лили, подтолкнуло быстрее набрать номер.

Оператор вышла на связь.

– Здравствуйте, – ответила Лили. – Я бы хотела заказать междугородний...

– Вы не могли бы говорить громче?

Вокруг Лили стоял суматошный гул, неуклонно возрастающий к сдаче материалов на верстку. Зажав трубку, Лили почти прижала ее микрофон ко рту:

– Я хотела бы позвонить по межгороду.

– Номер абонента?

Не успела Лили его назвать, как сбоку выросла фигура. Лили резко повернулась в кресле и увидела, что к ней приближается Клейтон Брауэр со страницей текста в руке.

Пальцы Лили еще крепче сжали трубку; ее шанс на звонок был упущен.

– Мэм? – нетерпеливо переспросила оператор.

Сигарета, зажатая во рту Клейтона, пыхнула колечками дыма. Он слегка кивнул Лили в приветствии.

В глазах репортера светилась та же самоуверенность, что пронизывала его насквозь – от широкой стати и косой ухмылки до поступи, которой он ежедневно вышагивал по новостному отделу в своем шикарном костюме и ботинках с декоративными накладками из кожи, надраенной ваксой до блеска.

– Я вам перезвоню, извините, спасибо. – Лили положила трубку в гнездо, а Клейтон вынул изо рта сигарету и выдохнул:

– Простите, что оторвал вас от дела, мисс Палмер.

– Ничего страшного, вы тут ни при чем. – Лили сделала вид, будто перебирает на столе бумаги. – Я была уверена, что номер лежит тут, а сейчас я его не вижу.

В неловкой паузе, последовавшей за ее словами, Лили представила себе репортерский взгляд Клейтона – пытливый и подозрительный, изучающий каждое ее движение. Но ко-

гда она вскинула глаза, его внимание было приковано к закрытой двери босса. Сквозь стеклянную панель в ней частично просматривались участники собрания внутри. Что так взбудоражило его любопытство?

– Мистер Брауэр? – Голос Лили прозвучал резче, чем ей хотелось (замедленная реакция на его вмешательство).

Но Клейтона это не смутило. Все еще не отрывая взгляда от двери, он загасил сигарету.

– Похоже, этот старый пес Шиллер готовится собирать свои вещички, – пробормотал репортер.

– Он что – увольняется? – Ошарашенная, Лили обернулась к кабинету шефа. И вытянула шею, чтобы самой все увидеть. Но затылок блестящего черепа мистера Шиллера, проглядывавшего сквозь его редкие седые волосы, загородил ей лицо босса. – С чего вы это взяли?

– А вы разве не читали в последнее время его колонку? – повернулся к Лили Клейтон с изумленным вопросом в глазах. – Все о путешествиях по свету. Сафари, глубоководное рыболовство... У Шиллера явно засвербело. Готов побиться об заклад, даже на деньги.

Только в такой подборке тем не было ничего необычного – мистер Шиллер вел, по сути, собственную колонку. Он проработал в «Экземайнере» с первых дней основания газеты. И с такой выслугой лет редко считал нужным обсуждать что-либо с боссом. Тем более с глазу на глаз.

Как сейчас.

– Ах, да, чуть не забыл. . . – Клейтон положил на стол Лили лист бумаги. – Это источники, которые просил босс.

Если Клейтон и сказал еще что-то перед тем, как отойти, то Лили пропустила это мимо ушей. Она была слишком поглощена новостью и возможностями, давно погребенными на задворках ее сознания, а теперь вынырнувшими из его недр, как лава вулкана.

Лили выдвинула нижний ящик. И из-под вороха карандашей, марок и блокнотов для стенографических записей извлекла одну папку, травянисто-зеленого цвета. Ее уголки загнулись, края изодрались. Шутка ли – столько лет складировать в ней эссе и заметки, написанные еще в школе. Лили сохранила не все свои работы – только лучшие.

При переезде в Филадельфию она захватила с собой свои дурацкие амбиции, аккуратно припрятанные среди этих страниц. Но, пройдя множество безрезультатных собеседований, Лили осознала, сколь низки ее шансы стать новой Нелли Блай. Захватывающими приключениями этой репортерши – от кругосветной гонки до ареста за статью об условиях в тюрьмах – вынужденно восхищались даже самые заносчивые журналисты мужчины. Впрочем, они тут же подчеркивали: Блай – лишь исключение из правил. Другим женщинам в репортерстве делать нечего. И к тому времени, как Лили забрела в «Экземайнер», она уже была не настолько наивной, чтобы отказаться от должности секретаря. Реальность регулярной зарплаты перевесила ее гордыню.

Но если Клейтон был прав, то сейчас перед ней замаячила новая возможность. Когда еще представится подобный случай?

Недавно она помогла продвинуться по карьерной лестнице Эллису Риду. Возможно, и у нее появился шанс добиться прогресса в своей карьере! И если у нее все получится, она исполнит, наконец, давнее обещание, данное не только себе...

Глава 7

Девочка просияла от восторга, когда Эллис вылез из своей машины:

– Надумали купить еще один букет, мистер?

Эллис припарковался на подъездной грунтовке возле дома, похожего на все остальные деревенские дома – с крыльцом и сетчатой дверью. Только глянец белой краски на его стенах уже потускнел.

– На самом деле я надеялся застать дома твоего папу, – сказал парень. Будь хозяин дома на месте, он бы наверняка захотел обсудить с ним «финансовую сделку».

– А его нет, – ответила девчушка; белобрысый мальчик уже пристроился сбоку от нее.

– Твой папа на работе?

– Нет, на небе. – Равнодушный, лишенный всяких эмоций тон девочки убедил Эллиса: ее отец попал на небо не недавно. И все же парень мягко заверил ее:

– Мне очень жаль это слышать.

Мальчик потянул девочку за комбинезон. Он явно не был склонен доверять незнакомцу.

– Не будь таким мнительным. Вечно ты ожидаешь ото всех гадостей! Это тот самый человек, что дал мне цен-ты. – Девочка снова переключила свое внимание на Эллиса и округлила глаза, словно показывая ему: мальчик слишком

маленький, чтобы понимать, что к чему.

Эллис улыбнулся. Ему определенно нравилась эта девочка.

– Полагаю, это твой маленький братик?

– Маленький – это вы верно подметили. Келвину всего пять.

– Я не маленький. – Круглое личико мальчика сморщилось в гримасе недовольства; слива превратилась в чернослив.

– А я – Руби. Руби Диллард. Мне восемь лет и три месяца.

Эллис почти угадал ее возраст, хотя и ошибся на целый десяток, если брать в расчет, насколько не по годам она была смекалистая.

– Хорошо, Руби. А у тебя случайно нет еще одного братика, а?

– Еще одного? Нету, слава Богу, – уперла девочка в бока свои кулачки. – Черт возьми, да мне и одного хватает, чтобы прокормить. – Руби с трудом удержалась от улыбки при виде того, как полыхнули вызовом глаза Келвина, обрамленные густыми ресницами.

– Мама-а-а-а! – Мальчик стремглав понесся в дом; их мать явно находилась внутри.

Ответ на следующий вопрос Эллиса поступил своевременно.

– Эй, мистер, послушайте. – Руби наклонилась вперед и заговорила театральным шепотом: – В церкви есть одна тет-

ка... Она поет как умирающая кошка... И она зовет маму «Джери», сокращенно от Джеральдины. Но мама терпеть не может, когда ее так называют. Так что... не называйте ее Джери.

Эллис кивнул и приподнял бровь, давая Руби понять: можешь в этом на меня положиться! В этот самый момент ее мать вышла из дома. И направилась напрямик к ним, вытирая свои руки о выцветший полосатый фартук, надетый поверх домашнего платья. Солнце подсветило ее

песочно-русые волосы, стянутые в нетугой пучок. Из-за матери выглядывал Келвин.

– Я могу вам чем-то помочь? – поинтересовалась женщина ровным тоном, под стать спокойному взгляду.

– Добрый день, миссис Диллард. Я из газеты «Филадельфия Экземейнер». Извините, что побеспокоил вас в середине дня.

– Мы ни на что не подписывались.

– Нет-нет, я не за этим.

– А тогда за чем?

«Ладно, перейдем сразу к делу».

– Видите ли, я написал для газеты одну статью. И мне нужно сделать несколько снимков с детьми. Это не займет много...

– Нам это не интересно. Руби, ступай-ка, займись домашними делами.

– Но, мама! Ты что, не слышала? Я хочу быть в газете!

– Юная барышня! У меня сегодня нету сил повторять тебе дважды. – Женщина и вправду выглядела уставшей, постоянно покашливала и отмахивалась от пыли, висевшей в воздухе; хотя сил на то, чтобы наподдать дочке, у нее еще было довольно.

Плечики Руби поникли. Она медленно поплелась по ступенькам наверх. Эллис подошел ближе:

– Пожалуйста, миссис Диллард! Прежде чем вы примите окончательное решение... – Еще несколько секунд – и эти дети, как и те двое мальчишек, будут для него потеряны. Эллис поспешно вытащил из кармана свернутые трубочками банкноты: – Не сомневайтесь, я заплачу.

Руби резко развернулась. При виде наличных ее маленький ротик алчно приоткрылся, а Келвин приподнял голову, округлив до невозможности глаза. Умаслить Джеральдину оказалось не так легко, но, по крайней мере, она не ушла.

Воспользовавшись, пусть и мизерным, шансом, Эллис поторопился изложить вкратце содержание статьи и описать фотографии, которые ему требовались: ее детей это особо не коснется. Никаких имен или других подробностей, кроме названия округа, в очерке не будет. Фотографии просто проиллюстрируют то бедственное положение, в котором пребывает множество американских семей.

Когда Эллис закончил, Джеральдина скрестила руки на груди и стала внимательно его изучать – оценивая, обдумывая. А потом ее карие глаза встретились с глазами детей. Пе-

пельная бледность женщины, подчеркнутая темными кругами, выдавала жизнь, лишенную красок. Но в ее тоне Эллис уловил завуалированное достоинство:

– Мне нужно развесить на заднем дворе постиранное белье. Пока я буду занята, можете сделать свои фотографии. А потом дети займутся домашними делами. – И с этими словами Джеральдина развернулась и скрылась в доме.

Эллис так и не понял, сколько ему дали времени на фотосъемку. Лишь предположил, что немного. В считанные минуты он поставил детей на ступеньках крыльца, рядышком друг с другом, и с табличкой на переднем плане.

Камера была готова к съемке.

Эллис поймал в объектив перепачканные грязью лица ребятшек, полюбовался их губками-бантиками и заостренными ушками. Благодаря уговорам Руби теплота согрела и улыбку Келвина, и выражение его глаз. И если братья-мальчуганы, которых он снял раньше, излучали невинное простодушие, то облик этих ребят, особенно Руби, был преисполнен глубины с печатью преждевременного взросления.

Эллис делал очередной снимок – Руби только-только приобняла за плечи Келвина – когда на пороге передней двери нарисовалась Джеральдина. Подняв ладонь, она прикрыла лицо от камеры:

– Этого достаточно. Вы получили, что хотели.

Фотосессия была закончена.

С дюжиной отличных снимков на пленке Эллис успел по-

благодарить ребят, прежде чем мать загнала их в дом. А потом задержал ее на крыльце и передал деньги, уловив в ее глазах проскользнувшее отчаяние:

– Я вам очень признателен, миссис Диллард. Вы мне просто жизнь спасли!

Джеральдина только кивнула и, не сказав больше ни слова, ушла в дом.

В переднем окошке, обрамленном голубыми льняными шторками, вдруг выглянула Руби. Словно появившись на сцене для прощального поклона, она махнула Эллису рукой и ускользнула из виду.

* * *

Не медля ни секунды, Эллис пустился в обратный путь.

Трясаясь в своей колымаге по дороге в Филадельфию, он задумался о новых снимках. И чем больше миль он проезжал, тем сильнее сомневался в приемлемости подмены.

Но когда Эллис добрался до Центрального города, в его сомнения вгрызлась суровая реальность. На площади Независимости, перед Индепенденс-Холлом слонялись зашуганные люди в костюмах и шляпах. На их шеях висели таблички с написанными от руки объявлениями.

Ищу приличную работу. У меня три профессии.

Возьмусь за любую работу. Милостью не прошу.

Семейный. Ветеран войны. Закончил колледж.

Нужна работа.

Вкупе эти люди послали Эллису суровый сигнал: стоит позабыть о своих намерениях и целях, и тебе самому придется вскоре вешать на грудь похожую табличку. И Эллис решил: если его когда-нибудь спросят об этих фотографиях, он, безусловно, признает правду. Он не собирался бессовестно лгать...

На углу Эллис открыл дроссельную заслонку и свернул на Рыночную площадь. И на этот раз испытал признательность к своему дряхлому движку за тарахтение. Хоть что-то заглушало мерзкий шепот его совести.

Глава 8

Прошла неделя с публикации статьи, но письма и звонки продолжали поступать в редакцию. Читатели жаждали узнать о судьбе этих «бедненьких, милых детишек». Как и следовало ожидать, некоторых возмущала готовность матери торговать родными детьми, своими кровинушками. Но подавляющее большинство посочувствовали тяжелому положению семьи.

Чтобы убедиться в этом, Лили довольно было только глянуть на рабочий стол Эллиса. Он был завален вещами – безвозмездной помощью от равнодушных людей. Чего там только не было! Плюшевые мишки и обезьянки, одежда, консервы, маринованные овощи, лоскутное одеяло. По слухам, в нескольких конвертах были вложены даже наличные с предложениями работы. И все это, как слышала Лили, должен был отвезти нуждавшейся семье лично Эллис (ради соблюдения ее права на конфиденциальность).

Такое решение не вызывало удивления, учитывая то, какая именно фотография пошла в печать. Досадная неприятность с первым негативом вынудила Эллиса отснять вторую пленку. В тот день босс диктовал Лили служебную записку, когда в его кабинет ворвался мистер Бэйлор с папкой альтернативных фотографий. Сквозь стеклянную панель двери Лили покосилась на Эллиса. Тот наблюдал за ними издалека,

слишком взволнованный, чтобы усидеть спокойно на месте. И Лили вновь – как и тогда в парке – захотелось поддержать его, придать ему уверенности. Но откуда ей было знать, что решит Говард Тримбл. У него частенько случалось по семь пятниц на неделе.

После беглого просмотра фотографий босс остановил свой выбор на последнем снимке в пачке. На том самом, где стоявшая на крыльце женщина отворачивала свое лицо от камеры, прикрыв его рукой с растопыренными пальцами. А дети прижимались друг к другу теснее, словно чувствуя ее смятение. Их мать явно стыдилась своего неблагоприятного поступка, пусть ее к нему и подтолкнула острая нужда.

При взгляде на это фото Лили тоже испытала стыд. Но ей все же удалось кивком намекнуть Эллису на одобрение шефа. Его лицо мгновенно просияло улыбкой – такой искренней и заразительной, что Лили – неожиданно для себя – тоже ответила ему улыбкой. А затем грубый оклик Тримбла заставил ее оторвать взгляд от Эллиса и занять свой ум стенографированием, чему Лили была очень рада. Ей не следовало больше отвлекаться и упускать свои шансы в жизни!

А уж в решающий день это было особенно важно. Лили отважилась проявить инициативу. И перед судьбоносным разговором сам Бог велел ей продемонстрировать исполнительность и прилежание. Новостной отдел постепенно заполнялся людьми. До прихода босса еще оставалось прилично времени. Но Лили решила приготовить ему кофе заблаговре-

менно. Стоя возле кофеварки, она продолжала мысленно репетировать свою речь. И тут ее рука дернулась от обжигшего ее кипятка. Она перелила кофе в любимую керамическую кружку шефа и чуть не уронила ее на жесткий линолеум.

«Сосредоточься, Лили!»

Схватив висевшее над раковиной полотенце для рук, она поспешила вытереть лужу. Лили все еще стояла на коленках, когда комнату огласили приветствия; молодые репортеры явно желали произвести впечатление.

В отдел зашел Говард Тримбл.

На двадцать минут раньше.

Лили заохала. Она еще даже не успела стереть пыль с его стола, поставить кофе охлаждаться (босс предпочитал черный и едва тепловатый напиток), вытряхнуть его пепельницу и поставить ее на место.

– Мисс Палмер, – по своему обыкновению проревел Тримбл, заходя в кабинет.

– Да, сэр! Я сейчас подойду! – Лили метнулась через всю комнату к своему столу.

Но на этот раз вместо карандаша и блокнота для стенографии она вытащила из его ящика свою драгоценную зеленую папку.

С тех пор, как подозрения Клейтона подтвердились (мистер Шиллер действительно решил выйти на пенсию, хотя официально о своем увольнении еще не объявил), Лили проводила все вечера, включая поездки по выходным в Дела-

вэр, за подготовкой. Она просмотрела, перепечатала и отредактировала несколько своих ранних статей и даже сочинила пару новых. Наверняка и к сожалению не идеальные, они были готовы настолько, насколько только могли быть.

– Мисс Палмер! – Нетерпение босса возрастало.

Собравшись с духом, Лили проследовала в кабинет. Его уже согрели лучи утреннего солнца, просачивавшиеся в окно. Но она все равно прикрыла за собою дверь.

Шляпа босса угнездилась на его пиджаке, который он повесил на спинку кресла. В обязанности Лили входило перевешивать одежду на вешалку, стоящую в углу. Но вместо этого она остановилась в ожидании перед столом Тримбла. Тем самым, который она не успела прибрать.

– Доброе утро, сэр.

Сидя в своем кресле, босс поглядел на Лили поверх оправы своих очков. Вид у него был скорее растерянный, чем возмущенный:

– Где мой кофе?

Кофе! Ох, елки-палки! Она о нем напрочь забыла!

И все же Лили решила не отступить.

– Прежде чем я принесу вам его, – начала она так, как будто давно придерживалась подобной стратегии, как будто она всегда приносила боссу кофе только после того, как ее просьбы и требования были услышаны, – я бы хотела переговорить с вами с глазу на глаз. До того, как ваше внимание займут текущие дела.

Тримбл принялся изучать бумаги, лежавшие у него на столе. Но пробормотал себе под нос согласие. Ее час пробил!

– Сэр! В свете недавнего решения мистера Шиллера уйти на пенсию я бы хотела предложить вам на рассмотрение одну идею. Я полагаю, что вам уже до конца следующего месяца понадобится новый колумнист.

– Если вы хотите порекомендовать мне кого-то из своих друзей, запишите мне их имена. А сейчас позаботьтесь о кофе. – Тримбл махнул рукой в сторону двери. Словно решил подсказать Лили, где она находилась. Хотя она могла найти эту клятую дверь даже в крошечной тьме ночи.

Судя по усилившемуся за ее спиной гулу голосов, новостной отдел возвращался к жизни. «Скоро начнется обычная круговерть, и я упущу все шансы на предметный разговор», – неслышно вздохнула Лили.

Босс вскинул глаза – его распоряжение опять проигнорировали!

Лили натянула на лицо самую убедительную улыбку:

– Извините, что докучаю вам, сэр. Но если бы вы уделите хотя бы минутку и просмотрели несколько пробных статей, я была бы вам невероятно благодарна!

Лили была не из тех, кто много просит. И Говард Тримбл это знал. Она увидела это в его глазах прежде, чем он кивнул.

– Только минуту, – предупредил босс и взял папку.

Пока он перелистывал страницы, Лили боролась с сильным желанием потеревить свой медальон. Она вспомнила

Эллиса и его волнение, и ей захотелось, чтобы он оказался рядом, поддержал бы ее ободряющим взглядом.

Но тут Тримбл мотнул головой. Так он обычно реагировал, если прочитанный материал ему нравился. «Не факт!»

– И кто же из ваших друзей все это написал? – поинтересовался он, все еще скользя глазами по страницам.

В горле Лили внезапно встал твердый комок. «Может, назвать псевдоним?» Нет, это вариант сгодился бы, не будь босс таким яростным педантом, когда дело касалось фактов. Увы, в его мире не было полуправды. Лили натужно сглотнула:

– Это мои работы, сэр.

Тримбл перестал читать. Он медленно откинулся в кресле, лоб нахмурился, густые брови насупились.

– Стало быть, – произнес он, – вас не устраивает ваша текущая работа?

– О! Господи, нет, мистер Тримбл... то есть я хотела сказать, устраивает. – Работа секретарши действительно удовлетворила Лили, но только на очень короткий период. – Я подумала, что могла бы вести колонку параллельно, вдобавок к моим обычным обязанностям. – Уж с ними-то она справлялась без проблем. Если не считать сегодняшних промахов. Лили попыталась вспомнить заготовленную речь: – Если вы помните, я была редактором школьной стенгазеты. И за эти годы несколько моих писем редакторам были напечатаны в разных газетах.

Босс снял очки и потер переносицу. То, что он погрузился в размышления, побудило Лили продолжить:

– К вашему сведению, у меня уже имеется ряд задумок. Большинство из них касаются жизни людей из различных слоев общества. И подразумевают получение информации из первых рук. Я могла бы работать инкогнито и описывать потом, каково это – быть актрисой водевилей или горничной в шикарном отеле. Если вам интересно, я могла бы также...

Тримбл сверкнул ладонью:

– Хорошо, я вас понял.

Лили кивнула, опасаясь, что наговорила лишнего, и надеясь, что успела сказать достаточно:

– Я справлюсь, сэр. Уверена, что справлюсь.

Босс с шумом втянул в себя воздух и так же с шумом выпустил его.

– Нисколько не сомневаюсь. – Едва уловимая легкость в его тоне побудила Лили улыбнуться. Но стоило ему снова нацепить на нос очки и, наклонившись вперед, водрузить свои локти на стол, и Лили тотчас взяла себя в руки. – И все-таки... Наши читатели ждут совершенно определенную колонку, мисс Палмер. Они желают, чтобы ее вел автор, который пишет о жизни так... ну, скажем, как Эд Шиллер.

Едва он закончил, Лили, готовая к такому аргументу, затараторила:

– Я понимаю, о чем вы говорите, сэр. Но тот подход, который предлагаю я, мог бы помочь преодолеть противоречия

между потребностями и ожиданиями наших читателей и читательниц, объединить их разными способами.

– А как же рецепты?

Этот странный вопрос поставил Лили в тупик:

– Простите?

– Ваши родные... там, в Делавэре, они же владеют гастрономом, не так ли? Вы наверняка знаете оригинальные рецепты, которыми могли бы поделиться с читательницами воскресных выпусков.

И тут до Лили дошло. Босс имел в виду раздел «О вкусной и здоровой пище» для женщин. Рядом с колонками о том, как правильно одеваться, как вести себя в гостях и на приемах и как стать идеальной домашней хозяйкой.

Именно такие темы была вынуждена освещать и Нелли Блай в «Питтсбург Диспетч» – пока не уволилась из этой газеты в поисках лучших возможностей и лучшего заработка.

Увы, даже безотносительно конечных целей Лили, кропанье примитивных кулинарных рецептов было ниже ее достоинства. По крайней мере, на тот момент.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет влетел Клейтон.

– Босс! Сенсационная новость о Даффи! – Должно быть, напряжение висело в комнате тягучей паутиной, потому что Клейтон остановился на полушаге и вытащил изо рта сигарету. – Простите... я, пожалуй, зайду попозже...

– Нет-нет, мы уже закончили, – заявил Тримбл, и Лили

подтвердила его слова натянутой улыбкой. – Так что там с Даффи? – напомнил он Клейтону о причине, приведшей его в кабинет.

Клейтон кивнул:

– Убит в гостиничном номере. В «Амбассадоре».

– Подозреваемые есть?

Мужчины почти не обратили внимания на Лили, вклинившуюся между ними, чтобы забрать свою папку.

– Копы допрашивают Хоффа. И нескольких его сторонников. Но больше смахивает на то, что его пристрелили партнеры из ирландской мафии. Если вы не против, я могу уже через час сесть в поезд на Атлантик-Сити.

Клейтон источал такой энтузиазм, как будто Орвилл Райт только что продемонстрировал свой летательный аппарат, способный взмыть до Луны и вернуться обратно.

И Лили оставила мужчин наедине с их сенсацией. Только дверь хлопнула неосмотрительно сильно. Хотя кто бы это заметил? Весь отдел гудел из-за известия о смерти Микки Даффи.

«Пивного барона» Филадельфии и сборщика ставок в нелегальной лотерее, прозванного «Мистером Бигом Сухого закона», убили накануне вечером. Не удивительно, что босс явился на работу раньше времени.

Похоже, Лили выбрала неурочный час для своего разговора. Иной реакции от Тримбла в таких обстоятельствах и быть не могло. Ей следовало обратиться к нему со своим предло-

жением в лучший день.

Эх, кого она пытается обмануть? Обратись она к нему еще раз – ответ получит такой же! А надавить – и вообще по-чтешь за счастье сохранить текущую работу.

В другом конце комнаты Эллис оживленно обсуждал что-то с мистером Бэйлором. Наверняка очередную статью, над которой работал. Но если успех его первого очерка воодушевил и придал Лили смелости, то сейчас ее больно кольнула зависть.

И в этот миг Эллис кинул взгляд в ее сторону. Лили призывала на помощь все свое обычное самообладание и продолжила путь. В конце концов, ее тоже ждали важные дела. Например – принести боссу еле тепловатый кофе.

Глава 9

Никто не мог предвидеть, какой резонанс получит очерк Эллиса. Подобно перелетной птице, он переключивался из издания в издание. Сначала в Джерси, затем в Мэриленде, Род-Айленде и Иллинойсе. А потом достиг Техаса и устремился еще дальше на запад – до самого Вайоминга. Статью Эллиса напечатали уже девять ежедневных газет. Даже десять, если считать оригинальную публикацию в самом «Экземайнере».

Статья и вправду вышла мрачно интригующей. Видеть незнакомцев, находившихся в бедственном положении, стало настолько обыденным, что большинство людей перестали их замечать – как невидимок. Но стоило уловить в объектив членов одной семьи – пару милых, прижавшихся друг к другу ребятишек и их отчаявшуюся мать, от стыда закрывшую со свое лицо рукой, – и они вмиг материализовались в реальных людей. Людей, заслуживавших сострадания.

Честно говоря, Эллис не думал публиковать фотографию Джеральдины. Он даже не ведал, что мистер Бэйлор показал ее боссу вместе с другими снимками. Пока не узнал, что тот ее одобрил. Но даже теперь, когда на дворе уже стоял октябрь, изображение бедного семейства все еще не давало Эллису покоя. И если уж начистоту, ему не давало покоя все, что было связано с этим снимком.

Прошло всего два месяца с тех пор, как он, опоздав на ра-

боту поутру в понедельник, получил от босса первое важное предложение. А теперь Эллис иногда задавался вопросом: а не продался ли он боссу, не сказав правды про снимок? Не принес ли в жертву успеху свою честность? Свои принципы?

Чувство вины теперь постоянно грызло и терзало Эллиса. Хорошо хоть его приглушали отклики читателей. Добрые письма продолжали приходить в редакцию, наряду с пожертвованиями для бедствующей семьи. Эллис уже трижды ездил в дом Диллардов. И каждый раз оставлял коробки с подарками на их крыльце поздним вечером. Он превратился в «вора наоборот», действуя тайком, старательно избегая неловкости, которую бы непременно испытал при передаче посылок из рук в руки и необходимости объяснять, как далеко за пределы их округа распространилась статья. Такая громкая известность наверняка бы взволновала и порадовала Руби. Но вот ее мать – едва ли.

В любом случае, все, что мог теперь Эллис, это – пытаться двигаться вперед. И пока все шло довольно хорошо – и в плане заработка, и в плане перспектив. В двух своих последних статьях Эллис описал сиамских близнецов, родившихся в Филадельфии и вопреки всему выживших, и одного местного актера, когда-то стяжавшего известность своими ролями в немых кинофильмах, а теперь коротавшего остаток жизни в дряхлости и забвении в одном из «гувервиллей».

Подобные истории, вызывавшие к человеческому гуманизму, поражали и впечатляли читателей. Но особую гордость

у самого Эллиса пробуждал его очерк, только готовившийся к публикации. Идея подсветить проблемы шахтеров в Питт-стоне осенила его неделю назад. Проезжая в трамвае, он увидел чистильщика обуви – совсем еще ребенка с щеками, испачканными гуталином. И в памяти вдруг всплыли другие образы.

Эллису было примерно столько же – семь-восемь лет – когда он побывал в шахте под Хэйзелтоном. Тот редкий случай, когда отцу, диспетчеру механического цеха в угольной компании Хасса, пришлось взять сына с собой на работу. Джим Рид о чем-то совещался с оператором буровой установки, когда Эллис наткнулся на стайку подростков, поедавших свои ланчи из бадеек. Они все, от макушек до пят, были черными от угольной пыли. И на фоне этой черноты почти светились белки их глаз.

За спиной у него прозвучал низкий голос отца. Грубый, как звериный рык, он заставил Эллиса в буквальном смысле подпрыгнуть на месте. «Я же велел тебе сидеть в грузовике!» Обычно отец бывал очень сдержанным. В тот раз Эллис впервые по-настоящему прочувствовал его твердый, довлеющий нрав.

Они вместе вернулись к грузовику; отец сел за руль. Его руки сотрясал такой гнев, что выволочка ремнем дома (наказание за своеволие) показалась Эллису неотвратимой. Но чем дальше они ехали, тем сильнее успокаивался отец. В конечном итоге он сказал Эллису: «Шахта – не место для

праздного шатания». И вид у него был такой, словно он собирался еще что-то сказать.

Но не сказал. А погрузился в свою обычную молчанку, в которой проходили все их поездки.

Эллис уже хорошо понимал, когда стоило придержать язык за зубами. Но его любопытная натура взяла верх. «Па, а что это были за дети?» Взгляд отца остался прикованным к дороге, а ответ прозвучал глухо и еле слышно. «Это дробильщики», – угрюмо пробормотал он, разом положив разговору конец.

Со временем Эллис узнал больше о детях, которых с шести лет использовали для сортировки угля. Они работали по десять часов в день, вручную разбивая и разбирая породу над лотками и конвейерными лентами дробилок. Зарабатывали астму и антракоз. А некоторые калечились под глыбами угля.

Теперь дети-дробильщики остались в прошлом – отчасти благодаря механизации, отчасти благодаря законам, защищающим детский труд. Законам, которые никогда бы не были написаны и тем более введены без мощной поддержки общества. А как оно узнало о рабском труде детей? Благодаря журналистам!

Откровение снизошло на Эллиса вскоре после той поездки на шахту. Он потягивал солод у аптечного прилавка, пока его мать ходила по магазинам. Какая-то женщина-покупательница разговаривала с владельцем аптеки, возмущенная

статьей об очередном изувеченном мальчике-дробильщике. Женщина похвалила «храбрых газетчиков» за публикацию репортажей о таких бесчинствах – несчастных случаях, которые крупные угольные компании желали бы утаить.

Типично для единственного ребенка, Эллис рос жадным читателем. Но с того дня он начал читать не книги, а газеты, хотя в них было гораздо больше слов. Когда мать, обеспокоившись тем, что репортажи о коррупции и убийствах слишком пагубны для психики сына, попыталась вернуть его интерес к классической литературе, Эллис начал украдкой умыкать газеты и читал их под одеялом перед сном.

«Когда-нибудь я тоже стану храбрым газетчиком», – поклялся он себе. И не каким-то «ворошителем грязного белья» – одним из тех любителей сенсационных разоблачений, которых на чем свет поносил его отец, называя «стервятниками». Эллис мечтал приносить пользу! В мире Джима Рида полезный человек обязательно создавал что-то конкретное и нужное обществу, материальные предметы практического применения, подолгу служившие людям. А к таким вещам не относились скандалы и сплетни в ежедневных газетенках, этих забрызганных чернилами листкам для розжига, которые стоили копейки и выбрасывались на следующий день. Нет, Эллис жаждал большего. Ему хотелось, чтобы его истории побуждали людей садиться и слушать. Он будет передавать им свои знания. А это на самом деле совершенно другое!

Никто, правда, не верил, что он осуществит свою мечту. Никто, кроме его матери. В Аллентауне (куда его семья переехала много лет назад, после того как отец устроился на работу в сталелитейную компанию «Бетлехейм Стил») ребята получали аттестаты, потом работали на заводе, собирали легковые автомобили или грузовики либо штамповали металл для военно-морского флота. И забывали о колледжах и университетах. Эти алчные до денег учреждения предназначались для избалованных «рокфеллеров», которые и знать не знали, что такое реальная ежедневная работа.

Ну, или так говорили.

Какое-то время Эллис плыл по течению и поступал, как поступало большинство. Он даже ходил на свидания при случае, пока не осознал, что это несправедливо по отношению к девушкам, единственной целью которых было заиметь мужа и семью. Эллис не мог рисковать и не хотел оказаться в хомуте. Из страха, что никогда от него не избавится. Каждое утро на протяжении года он просто надевал свои сапоги и перчатки и отправлялся на работу на аккумуляторный завод. Но он делал это только для того, чтобы накопить денег на свой переезд в Филадельфию и купить детали двигателя для своей четырехколесной находки на свалке. Ведь в поисках достойных историй репортеру приходилось много разъезжать.

Его мать это понимала. Она поняла Эллиса, даже когда он уволился с завода и устроился подшивать газеты за бо-

лее низкую плату – только для того, чтобы потом стряпать бредни для женских рубрик. Эллису никогда не пришлось ей объяснять, что каждый шаг приближал его к заветной цели.

А вот его отец, наоборот, не разделял их взглядов и без обвиняков говорил им об этом.

Тем отраднее становилось на душе у Эллиса, когда он думал об ужине, предстоящем вечером. Хоть он и послал матери газетные вырезки со своими тремя очерками и удостоился ее похвалы по телефону, это был его первый визит к родителям после их публикации.

Наконец-то отец будет вынужден признать, что выбор профессии его сыном не был ни глупым, ни безрассудным.

Наконец-то он согласится, что работа его сына была важной – пусть даже только после того, как Эллис поделится с ним задумкой о статье про шахтеров.

Главное было – выбрать верный момент.

* * *

– Еще тушеного мяса, сынок? – спросила мать, сидя за обеденным столом напротив Эллиса.

– Спасибо, мама. Я уже объелся.

– Тогда, может, хлеба? – потянулась мать за рогаликами, наваленными в вазе из матового стекла; она хранилась в их доме с рождения Эллиса – прелестная в своей простоте и в то же время практичная, нужная и неменяющаяся. Как и все

в двухэтажном родительском бунгало.

– И не смей говорить, что ты объелся, – предупредила миссис Рид сына, – или я опять начну талдычить, что ты чересчур худой.

В животе Эллиса действительно уже не осталось места – его недельный бюджет редко позволял ему так наедаться. Но улыбка матери была такой поощряющей, что сказать «нет» он не смог.

– Пожалуй, съем один. – Эллис взял рогалик, уже третий за ужин. Теплый хлеб всегда пах по-домашнему.

Пока он откусывал от рогалика, мать в своем цветастом домашнем платье села чуть прямее. Ее голубые глаза сияли. И напоминали Эллису о всех чертах, что он от нее унаследовал: линиях улыбки, округлом подбородке и волнистых черных волосах (у матери они были неизменно одной длины – по плечи). Она передала ему даже свое среднее телосложение и достаточно узкие бедра.

Если подумать, крепкое физическое сложение – это единственное, что Эллис хотел бы позаимствовать у отца. А так, кроме общего для них более темного цвета кожи (отражавшего их далекие португальские корни), Эллис с отцом мало чем походили друг на друга. И это несходство с годами только усугубилось. Ведь прежде каштановые волосы отца уже поредели и поседели, а глаза теперь постоянно прикрывали очки в черной оправе – результат мягких, но настойчивых уговоров жены.

– А ты как, дорогой? – спросила она отца. – Съешь еще один рогалик?

Джим Рид сидел на стуле рядом с ней. Хотя забыть о его присутствии было легко.

– Я в порядке, – отмахнулся он; руки отца уродовали мозоли, а ногти на пальцах покрывали серо-черные пятна. Такие же пятна усеивали и его фирменную клетчатую рубашку. Отказавшись от рогалика, Джим Рид вернулся к кукурузному пюре на своей тарелке.

Последовавшее затишье не продлилось и полминуты. Мать Эллиса давным-давно отточила искусство заполнять паузы так ловко, как дорожники заполняют выбоины в поврежденной дороге. Она была мастерицей сглаживать напряжение рассказами о радиопередачах, своих проектах по вязанию, новостями о здоровье дедушки и бабушки Эллиса (родители матери жили в Аризоне, родители отца уже умерли) и свежими сплетнями о соседях и друзьях, включая школьных приятелей Эллиса.

Контакты Эллиса с ними со временем почти сошли на нет, но он все равно кивал и поддакивал матери. И частенько затронутая ею тема заинтересовала отца настолько, что он включался в разговор.

И все-таки была одна тема, которую они никогда не затрагивали, несмотря на ее незримое присутствие – на пустующем стуле рядом с Эллисом.

При одной мысли об этом он начинал ощущать запахи ко-

рицы и выпекаемого теста, разносившиеся из их старого дома в Льюистоне. В своем воспоминании Эллис сидел во дворе, тыча пальцем в гипс, только-только наложенный ему на руку после падения с велосипеда. В тот самый день... Мать находилась в доме – пекла яблочный пирог. И вдруг Эллис услышал крики. Он раньше никогда не слышал таких звуков. И понял, что это кричала мать, только когда она вылетела из дома со спеленатым младенцем на руках. Отец бежал следом за ней. Мать выглядела обезумевшей от страха, ее лицо дрожало, дергалось и кривилось в отчаянии, пока они с отцом залезали в грузовик. Эллису тогда, наверное, было пять. Он был достаточно взрослым, чтобы остаться дома один. И достаточно разумный, чтобы вытащить пирог и печки и съесть его половину прямо с противня, когда его животик скрутили голодные спазмы.

В ту ночь мать присела на краешек его кровати; ее голос прозвучал грубовато, как наждачная бумага. «Иногда младенцы просто прекращают дышать, без всякой причины...» Эллис запомнил слезы на щеках матери и свою попытку понять, как его братик отправился на небо жить с ангелами. Позднее он проснулся от тяжелой поступи отца, расхаживавшего взад-вперед по скрипучим половицам. Эту привычку ночного бодрствования отец сохранил на многие годы. Из ночи в ночь он бродил неприкаянным по дому, словно что-то потерял и никак не мог отыскать. Смеялся ли хоть раз отец с того дня? Промолвил ли хоть слово об уходе Генри?

Этого Эллис точно сказать не мог. Впрочем, и вероятности того, что мать когда-нибудь решится испечь снова яблочный пирог, тоже не было.

– Сынок? – окликнула она, вернув его из прошлого. – Хочешь персиковый пирог?

– Конечно, – улыбнулся ей Эллис.

Мать уже собралась встать и оставить Эллиса наедине с отцом.

– Ма, подожди. Посиди и отдохни. Я сам могу его достать.

Мать, естественно, запротестовала, но они пошли на компромисс. Пока Эллис перенес грязные тарелки в мойку, мать приготовила кофе и десерт, и они снова уселись за стол.

– Надеюсь, я не переборщила с мускатом, – заволновалась миссис Рид, пока Эллис и отец надкусывали свои куски. – Я попробовала новый рецепт из «Гуд хаускипинг».

– Пирог изумительный, – промычал Эллис набитым ртом.

Отец согласился:

– Очень вкусно, Мима. На самом деле вкусно.

Мать улыбнулась – скорее, из чувства гордости, чем облегчения. А затем продолжила болтовню, призванную заполнить все их неловкие паузы до самого конца трапезы. Эллис осознал: его шанс улетучивается. А ведь когда они только сели за стол, мать спросила, как у него дела в газете.

Общий вопрос – общий ответ. «Все отлично», – пробормотал Эллис, уверенный, что мать еще вернется к этой теме и начнет выведывать подробности. Но пока что этого не про-

изошло; мать стала расспрашивать мужа о новом станке на сталелитейном заводе, который он обслуживал как контролер. Лицо отца даже просветлело, когда он описывал эффективность и безопасность нового агрегата, который пробивал целый год.

Эллис нашел эту тему удачной и для подъема отцовского настроения, и для плавного, естественного перехода к следующей теме. Ведь она как нельзя лучше соотносилась с фотографией, лежавшей в кармане его рубашки. Эллис уже решил вытащить ее сам, когда отец произнес:

– Хочешь, я проверю твой радиатор перед тем, как ты тронешься в обратный путь?

Это была одна из тех фраз, что прозрачно намекали любому гостю: пора и честь знать, не век же гостить.

– Гм, да... Я буду очень признателен.

Одним глотком отец допил свой кофе. Но, словно прочитав мысли Эллиса, вдруг встряла мать:

– На улице еще очень светло. Спешить некуда. – Она стала поглаживать предплечье мужа, явно пытаясь расположить его к дальнейшему разговору. – Расскажи нам, Эллис, над какой статьей ты теперь работаешь?

Он мог бы обнять ее прямо сейчас! Устроить в ее честь парад!

– Мой новый очерк будет опубликован в завтрашней газете.

– Еще один? Уже? Да еще и в воскресном номере! – Ли-

цо матери просияло. А глаза покосились на мужа: – Это же здорово, правда, Джим?

Отец Эллиса ответил еле заметным кивком. Но его брови приподнялись, как будто он тоже был впечатлен.

Приободрившись, Эллис выпрямился на стуле:

– Знаете, я долго выбирал тему для новой статьи, с такой фотографией, которая бы многое значила для местных жителей. И тогда я подумал о шахтах. – В отсутствие сенсационных репортажей жители Филадельфии (как уже заметил Эллис) любили читать о себе. – Я привез этот снимок, показать вам. – Эллис вытащил фотографию и горделиво положил ее на стол. – Вот эти два парня, что здесь запечатлены, они в детстве работали дробильщиками. А сейчас они управляют машинами, которые сортируют уголь за них. Более эффективными и безопасными, как тот новый станок, что купил твой завод, папа. Можете себе представить, сколько детей ныне живет и здравствует благодаря этим механическим машинам? И все это вследствие законов о труде. А в том, что они появились – заслуга журналистов, обративших внимание общественности на проблемы детского труда.

Эллис не планировал упоминать о том, кто кого должен был благодарить. Эти слова вырвались сами собой. И все же что-то в комнате переменялось. Эллис понял это по поведению отца, по его взгляду, в котором не осталось никакой легкости, сквозившей в нем еще несколько секунд назад.

Неужели отцу было так трудно признать свою неправоту?

Неужели он не мог отбросить свои старые сомнения насчет выбранной сыном профессии? Изменить свое мнение о «ворошителях грязного белья» в прессе?

Или... причина крылась в другом?

Джим Рид всегда умел обнаруживать сильные и слабые стороны в любой вещи. И как контролер-инспектор он выискивал то же в своих рабочих. Может, он единственный почувствовал примесь обмана – как мелкую неполадку в коробке передач – в рассказе Эллиса о своих успехах?

Какова бы ни была причина подобной отцовской реакции, но мать Эллиса явно оказалась в тупике. Она не знала, как реагировать на молчание мужа.

Когда Джим Рид поднялся из-за стола, его голос прозвучал резко и хрипло:

– Пойду лучше гляну машину, пока не стемнело, – и с этими словами он вытащил из шкафа ящик с инструментами и поспешил к выходу.

Когда отец вышел, мать Эллиса с натянутой улыбкой вернула ему фотографию.

– Думаю, статья будет замечательной, – сказала она. – И мы с удовольствием ее почитаем.

Глава 10

Вот и опять Лили солгала. Это был не идеальный способ провести среду, но сотрудники четырежды поинтересовались у нее, хорошо ли она себя чувствует. И каждый раз Лили повторяла, что чувствует себя прекрасно. Хотя в этих словах не было ни доли правды. Со вчерашнего вечера, когда она украдкой позвонила из пансиона (в обители незамужних женщин с высочайшим моральным уровнем такие звонки следовало делать тайно). Узнав о состоянии Сэмюэла, Лили разволновалась так, что сама почувствовала себя плохо.

– Я выеду первым же автобусом завтра же утром, – заявила она. Ей было сказано не приезжать – в этом нет необходимости. Ведь она все равно увидит его в пятницу.

Но до пятницы оставалось еще целых два дня. Два дня, которые грозили растянуться для нее в вечность.

Лили попыталась хоть как-то скоротать тягостные часы. Заняла себя подшивкой документов, телефонными звонками и печатанием начальственных предписаний. И постоянно напоминала себе: приходить и уходить с работы, когда ей заблагорассудится, не прокатит. Особенно с таким боссом, как Говард Тримбл. Если только ей самой не захочется вылететь с работы.

Лили даже удалось удержаться от повторного звонка Сэмюэлу в обеденный перерыв. Но теперь босс уехал на

встречу в четыре часа и не собирался возвращаться до конца рабочего дня. Людей в отделе заметно поубавилось, а оставшиеся коллеги сосредоточились на делах, которые нужно было доделать срочно. И Лили наконец-то представилась возможность уединиться и поговорить, не опасаясь огласки.

Она набрала оператора по настольному телефону и попросила соединить ее с гастрономом родителей.

Групповая абонентская линия на магазин и их дом, располагавшийся над ним, удваивала шансы Лили узнать свежие новости. А разве она могла расслабиться и отдохнуть, не узнав, что с Сэмюэлом все в порядке?

Сэмюэл был средоточием ее мира. О нем были ее первые мысли по пробуждении и последние перед сном. Он был ее сердцем и душой.

Сэмюэл был ее сыном.

Несколько блеющих гудков, и ее мать ответила на звонок. Лили сразу перешла к главному:

– Как он себя чувствует?

– Ах, это ты, дорогая. Он замечательно.

– Значит, температура спала?

– Я же сказала тебе: беспокоиться не о чем. – Мать уклонилась от ответа, и Лили нервно стиснула трубку.

– Лоб у него горячий? – Выждав пару секунд, Лили спросила напрямик: – Какая у него температура?

Послышался долгий, раздраженный вздох:

– Тридцать восемь и три.

Поднялась на целый градус!

– Я выезжаю домой.

– Но тебе же завтра на работу. Не успеешь приехать, как тебе придется уже возвращаться назад.

Это был веский довод, учитывая, что на дорогу в каждом направлении уходило два часа, а автобусы в их маленьком городке по вечерам ходили с большими интервалами.

– Тогда я у вас заночую.

– Но утром первый автобус отправляется только в восемь. Ты же это знаешь.

– Значит, немного опоздаю. Босс поймет.

– Но, Лили, это же глупо, – попыталась образумить ее мать, но Лили уже вскочила со стула, готовая подхватить сумку и помчаться на автобусную станцию. Только сначала ей нужно оставить Тримблу записку, сославшись на семейные обстоятельства.

– Лилиан Харпер. – Тон матери изменился, посуровев на двух словах, обычно заставлявших Лили снова чувствовать себя маленькой девочкой. – Я понимаю твое беспокойство. Но вспомни, как в последний раз ты понеслась обратно! Только из-за того, что у него заболел животик. Даже доктор сказал, что не следует сходить с ума по таким пустякам. Этим ты только себе хуже делаешь! И Сэмюэлу тоже.

Логика убеждала Лили, что мать права. И доктор тоже. Но никакая логика не объясняла истинной причины ее страхов за жизнь сына.

Может, попытаться, наконец, объяснить все матери? Она же должна понять?

Ведь эта женщина никогда не проявляла нерешительности в своей любви и поддержке. Даже тогда, когда отец Лили в своем первом разрушительном порыве пригрозил ей откреститься от своего единственного ребенка. И разве можно его было в том винить. Лили должна была стать «чудо-дочкой», наградой за десятилетние усилия родителей зачать свое чадо, с большим и славным будущим. В семнадцать лет она вроде бы подала им на это надежды – первой в истории семьи пожелав учиться в колледже. Но все свои планы Лили разменяла на одну-единственную ночь с парнем, которого едва знала. Впрочем, эта ошибка оказалась благословенной. Не только потому, что принесла ей Сэмюэла, но и потому, что укрепила любовь ее семьи, в итоге поддержавшую ее, когда другие судачили, насмехались и глумились.

Именно те презрительные взгляды укрепили в Лили желание расставаться с сыном каждую неделю. Сама она уже давно научилась терпеливо сносить осуждение своего городка, величиной не больше отпечатка большого пальца. Но допускать такое в отношении Сэмюэла, чистота и невинность которого в четыре года служила временным щитом, Лили не пожелала. В отличие от двух бедных мальчуганов из первого очерка Эллиса Сэмюэл никогда не спрашивал, был ли он нужен или нет. И Лили не нужно было ничего объяснять. К тому времени, как он достигнет школьного возраста, она су-

меет скопить денег на собственную квартиру. Чтобы начать с ним новую жизнь. В *другом* городе. Она сможет даже выдавать себя за молодую вдову (теперь уже двадцати двух лет) и избавится от необходимости таиться. Скрывать то, что бы было в ее жизни самым заветным и дорогим!

Но пока этого не случится, она не перестанет волноваться за Сэмюэла.

Да, Лили волновалась за сына гораздо больше, чем следовало. Но основания для этого у нее имелись. Только она никогда их не озвучивала. Тем более матери.

– Я могу вас отвезти.

Мужской голос за спиной напугал Лили. Резко повернувшись, она оказалась лицом к лицу с Клейтоном Брауэром. Репортер небрежно держал свои руки в карманах брюк.

– Простите? – Лили зажала рукой трубку у своего подбородка. Стоило ей осознать смысл нескольких простых слов, и сердце ушло в пятки.

– Вас нужно подвезти, а у меня отменилось интервью. – Клейтон повел плечом в своей типичной, неспешной манере, не утруждая себя полным пожатием плеч. – На автомобиле вы доберетесь туда в два раза быстрее. А если вы захотите вернуться вечером, вы точно успеете на работу вовремя.

– Боюсь, как бы то, что вы подумали, не...

– Мисс Палмер, если ваш сын заболел, вам следует его навестить.

Лили замерла и перестала даже дышать, пока голос матери

не привел ее в чувство.

– Мама, я перезвоню тебе. – Лили прервала разговор.

Как ведущий криминальный репортер «Экземейнера» на протяжении последних четырех лет, Клейтон был приближен к Тримблу больше, чем любой другой сотрудник их отдела. Не хватало еще, чтобы босс, наряду с хозяйкой пансиона, узнал о том, что Лили была с ними нечестна. Все это время! Начиная с собеседования при трудоустройстве с мистром Бэйлором, проведенном от его имени. «Вы замужем?» – спросил тогда мистер Бэйлор. «Нет, сэр», – ответила Лили. «А не планируете выйти замуж в ближайшее время?» «О, нет! Точно нет!» Ее ответ явно приятно удивил мистера Бэйлора. «Это хорошо», – произнес он и что-то записал на листке бумаги. «А можно мне полюбопытствовать – почему вы об этом спросили?»

Оказалось, что последняя секретарша босса начала у них работать сразу после свадьбы. А потом узнала о том, что забеременела, и уволилась в тот же день. Тримбл решил: лучше нанять на работу незамужнюю девушку, которая не будет отвлекаться на свою семью. Меньше головной боли!

«Разумно?» – поинтересовался мистер Бэйлор. Лили через силу кивнула (ей же надо было получить работу!). «Я одна, совсем одна», – заверила она его. Мистер Бэйлор при этих словах улыбнулся. А потом провел ее по зданию, показал ей рабочий стол и представил боссу, а также владельцу газеты – вздорному и придиричивому человеку, общение с

которым (слава Богу!) было сведено к минимуму. Лили даже выдали рекомендательное письмо для пансиона рядом с редакцией. И там, и там ее восприняли как добродетельную молодую женщину и относились к ней соответственно. Что, бесспорно, было для нее бальзамом на душу. Только... только с тех пор Лили старательно утаивала наличие у нее сына.

И вплоть до этого момента ей удавалось сохранять свой секрет.

По привычке или бессознательно, а, может быть, в силу того и другого, Лили рассмеялась. И попыталась разыграть удивление: «Что вы себе удумали, Клейтон?» Но ее сердце зашло бешеным стуком.

– Думаю, вы все неверно истолковали, мистер Брауэр. Я разговаривала со своей племянницей.

Клейтон посмотрел на свои часы, отмахнувшись от ее слов, как от пылинок, витавших в воздухе:

– Я только проверю кое-что внизу прежде, чем номер уйдет в печать. И после этого мы сможем отправиться в Мэривилл... Вы пока собирайтесь... Мисс Палмер, с вами все в порядке?

Он знал! О ее сыне, о ее родном городе. И, похоже, даже до подслушанного телефонного разговора!

И тут до Лили дошло: ну, конечно же, он знал. Этот парень не стал бы «звездным» репортером, если бы не подмечал мельчайшие детали и еле уловимые подсказки.

– Как давно вы...

– Не беспокойтесь, ваша тайна в безопасности. Я никому не выдам ваш секрет. – С замечательной простотой Клейтон донес до нее два важных послыла: об этом больше никто не знает и он ничего не скажет боссу.

Бесконечно благодарная, но все еще в замешательстве, Лили кивнула.

– Я найду за вами, когда закончу с делами, – сказал Клейтон. – И послушайте: если вы надумаете возвращаться сегодня вечером, я охотно помогу вам сэкономить на автобусе.

Хотя это оградило бы ее от неминуемого гнева босса за опоздание на работу, Лили поколебалась: принять или отклонить предложение Клейтона.

– Я ценю ваше желание мне помочь, честно. Но вы и так уже делаете для меня слишком много.

– Я это делаю не ради вас, мисс Палмер. Мне так или иначе надо ехать домой, а потом обратно. А в дороге гораздо приятнее общаться с попутчиком, чем с самим собой.

Не найдя что возразить, Лили улыбнулась. Клейтон ослабил одну из своих косых ухмылок и пошел по делам.

* * *

Лили собралась меньше чем за две минуты. Следующие пятнадцать она провела, бросая вороватые взгляды на настенные часы. Потом надела свою шляпку «колокол», дорожные перчатки и свитер цвета пыльной розы. И зажала в руках

сумочку – в полной готовности.

Решив избавить Клейтона от лишних шагов, она направилась к его столу и обнаружила его пустым. Репортер все еще делал свои дела.

«Умей быть терпеливой! Не зацикливайся на температуре Сэмюэла», – напомнила себе Лили и в этот миг заметила Эллиса. Он сидел за своим столом, к ней в профиль. Но от Лили не укрылось мрачное выражение на его лице и невидящий взгляд, вперенный в блокнот.

Лили вдруг вспомнила их встречу утром. Двое сотрудников как раз интересовались, почему она так плохо выглядела. Когда Эллис приблизился к ее столу, Лили, не дожидаясь проявления им ненужного участия, громогласно объявила, что чувствует себя прекрасно. Оказалось, что парень подходил совсем с другой целью. Он надеялся склонить ее к еще одной прогулке после работы – в подпольный бар «Пещера», где ребята из «Экземайнера» частенько выпускали пар в середине недели. Лили отвергла его приглашение. Причем в ужасно грубой форме. Только поняла это задним умом.

После разговора с Эллисом в парке Франклин-Сквер Лили постаралась установить между ними комфортную дистанцию. Но так, чтобы не лишать его шансов. И теперь она считала своим долгом рискнуть и подойти к парню.

– Простите, мистер Рид?

Эллис повернулся к ней, вышел из транса.

– Боюсь, сегодня утром я была с вами очень груба. Наде-

юсь, вы примите мое извинение.

Напряжение на лице Эллиса ослабло, но улыбка далась ему нелегко.

– Конечно. Нет проблем.

Лили успела улыбнуться в ответ Эллису, прежде чем он снова уткнулся в блокнот. Похоже, парень был поглощен своими мыслями. И причиной угрюмости, витавшей вокруг него, было не только ее поведение.

– Что-то... еще?

Эллис снова обернулся к ней.

– То есть вас еще что-то тревожит?

Похоже, Эллис озадачился – отвечать или нет.

На заднем плане пара пишущих машинок отбивала клавишами кареток рваный, прерывистый ритм. А один репортер пожелал другому спокойной ночи. Но Лили не отвела глаз от Эллиса, и тот жестом пригласил ее присесть на стул за соседним столом:

– Если у вас есть минутка...

Это еще больше подстегнуло любопытство Лили. У нее не было времени на долгую беседу, но пару минут выкроить она, конечно, могла. Сев на стул, Лили положила сумку себе на колени и постаралась сосредоточить – насколько могла – свое рассеянное внимание.

Эллис понизил голос:

– Я получил предложение... вести колонку городских новостей, – сказал он.

Реальное повышение! Лили искренне, без единого укола своей былой, постыдной зависти, порадовалась за Эллиса.

– Это же здорово! Вы должны собой гордиться, – начала она и, тут же вспомнив его настроение, заметила: – Только вы что-то не больно радуетесь.

– Колонка в «Нью-Йорк Геральд Трибьюн».

– Как-как?

– Мне вчера позвонил их редактор отдела «Городские новости». Сказал, что «Трибьюн» нужен такой репортер... с сердцем... У его жены подруга в пригороде Филадельфии. Она-то и порекомендовала меня. До сих пор не верится...

Лили должна была догадаться, что рано или поздно это произойдет. Статьи Эллиса, как и его фотографии, излучали искренность и сопереживание, так привлекавшие читателей. В тесном мире новостной прессы заинтересованный редактор обязательно должен был выйти на Эллиса.

– По правде говоря, мисс Палмер, я потому и решил пригласить вас в «Пещеру». Боюсь, что я опять нуждаюсь в хорошем совете. – Эллис тихо рассмеялся, пряча за смехом смущение от просьбы.

– Значит, вы еще раздумываете?

– Наверное, я спятил, да? О такой работе мечтает любой здешний журналист.

Только в этот момент Лили поняла, как сильно надеялась, что главной причиной его сомнений была именно она! Что за глупая идея! Лили тут же отмахнулась от нее.

– А в чем проблема?

Эллис облизал губы, как будто захотел облегчить путь своим словам.

– Проблема вот в чем. Когда шеф поручил мне написать тот первый очерк, о детях, я посчитал это большим прорывом. Шансом доказать своим родителям, что я действительно способен чего-то добиться.

– А теперь?

– Теперь происходят все эти чудеса. Но когда я думаю о той фотографии...

«Ах, вот в чем дело!» – сообразила Лили.

– Вы терзаетесь чувством вины за то, что извлекли выгоду из чужого несчастья. – Лили, без сомнения, испытывала бы то же самое, будь она на его месте.

– Нет... То есть и это тоже, конечно. Но... ладно...

Эллис посмотрел ей прямо в глаза, и Лили снова осенила догадка. Эллис скрывал какую-то правду, жгучую тайну, которую она могла услышать от него первой. Возможно, это касалось его брата, которого он потерял. Или чего-то другого, о чем ему напомнила та фотография. Ведь она и Лили напомнила об ее темном прошлом!

В любом случае Эллису явно хотелось облегчить свое бремя, поделившись с кем-то гложущей его тайной.

– Вы мне можете рассказать все, – заверила его Лили. – Обещаю держать рот на замке, – и она снова убедилась, что парень ей доверяет. Хотя причин для этого у него было мало.

Эллис с тоской наклонился к ней; его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Лили. Она уловила слабый запах мыла на его коже, тепло его дыхания. И у нее не возникло желаний отстраняться; ей стало гораздо уютнее, чем следовало бы. Но едва Эллис собрался заговорить, как его внимание привлекло что-то позади нее.

Парень резко отпрянул назад, и Лили почти тотчас же поняла причину.

– Не хотел вам помешать, – заявил ей Клейтон; в одной вытянутой руке он держал блестящий кожаный портфель, а другой прижимал к своей груди мягкую фетровую шляпу. – Я только хотел сказать, что готов ехать, если вы, мисс Палмер, тоже готовы.

Лили быстро взяла себя в руки и поднялась. Нервы были на таком взводе, что со стороны могло показаться, будто ее застучали за амурными шашнями. Чего, конечно, и в помине не было.

– Я могу подождать вас на улице, – добавил Клейтон, – хотя нам уже стоит тронуться в путь.

Тревога за Сэмюэла с новой, отрезвляющей силой захлестнула Лили. Как она могла позабыть о сыне даже на одну минуту?

– Да-да. Вы абсолютно правы. – Лили покосилась на Эллиса, не ища с ним встречи взглядом. – Извините, мистер Рид, но мне нужно идти.

– Ну, что вы! Это вы меня извините за то, что я вас за-

держал. – Эллис вымолвил эти слова с легкой прохладцей в тоне и выпрямился в кресле. – Вы же уже говорили мне, что заняты вечером. Мне следовало об этом помнить.

«Пещера»! Когда Эллис предложил ей пойти в этот бар, Лили шаблонно отговорила. А теперь ей отчаянно захотелось развенчать его домыслы о ней и Клейтоне как паре. Но сделать это было нелегко.

– Тогда ладно, – только и сказала она. – Увидимся завтра. – Лили повернулась к Клейтону, а тот нарочито демонстративно протянул ей руку. Лили не сделала и нескольких шагов, когда Эллис ответил.

– На самом деле это под вопросом. – Его тон окрасился решительностью и прямотой, заставившей Лили обернуться. – Мне ведь предстоит собираться. Готовиться к переезду.

Лили только молча уставилась на него, а Клейтон заглотнул наживку:

– К переезду? И куда же?

– Я получил предложение из Нью-Йорка. Из «Геральд Трибьюн». – Эллис сделал паузу, словно ожидая реакции – любой репортер в «Экземейнере» позавидовал бы такому. Но губы Клейтона лишь выгнулись в удивленную ухмылку.

– Да? Вот это я понимаю! – воскликнул он и поздравил Эллиса сердечным рукопожатием.

Лили стоило сознательного усилия отобразить на лице такую же радость. Ее уязвил выбор Эллиса. Окрещенный «Большим городом», Нью-Йорк хоть и находился в несколь-

ких часах езды, но означал начало другой жизни. И оставление всего прочего позади.

«Ну, да что об этом думать!» Едва руки мужчин расцепились, Лили проговорила:

– В таком случае, мистер Рид, желаю вам удачи, – и добавила, уже Клейтону: – Нам пора в путь, так вы сказали?

– После вас, – ответил Клейтон, и Лили повела его к выходу, не позволяя себе обернуться.

Глава 11

Глупо было Эллису сомневаться. Разве нет? Ни один репортер даже с толикой здравого смысла не отказался бы от работы в известной газете.

Да! Решение далось бы ему легче, если бы не угрызения совести.

Лили была права насчет источника его вины – его успех оказался выстроен на несчастьях других. Но только отчасти. Дифирамбы редактора «Трибьюн», особенно по поводу его фотографии Диллардов, напомнили Эллису о правде. Или, точнее, о его лжи.

Ему очень хотелось рассказать об этом. Но не абы кому. А именно Лили Палмер. Как тот снимок призван был стать одной из ступенек на его пути по карьерной лестнице. И как вместо этого (хоть так и не должно было быть) он вдруг оказался всей лестницей. В Лили было нечто такое, что говорило Эллису: она его поймет! И да! У них было что-то общее. Некая реальная, только незримая связь. По крайней мере, Эллису так казалось, пока вмешательство Клейтона не прояснило ему ситуацию.

В тот момент рефлексивная гордость подтолкнула парня принять решение и объявить о нем.

А слово – не воробей. Забрать его назад не так-то просто. И даже если бы он смог это сделать – ради чего? Переезд

в Нью-Йорк... именно это ему было нужно! Пройдет время, и воспоминания о Лили и детях Диллардов поблекнут на таком расстоянии.

Решено! Эллис взялся за телефонную трубку, чтобы официально объявить о своем решении боссу. Он приготовился к долгому разглагольствованию на тему своей измены или неблагодарности. Но человек на другом конце провода только пробормотал что-то насчет причиненных ему неудобств, а в итоге даже пожелал Эллису всего хорошего, и его голос прозвучал вполне искренне.

Эллису сыграло на руку то, что редактор рубрики «Общество» решил вернуться в «Экземайнер» в ближайшие недели. К тому же редкий день проходил без того, чтобы какой-то автор – начинающий или опытный, мужчина или женщина – не заглядывал в их редакцию в поисках вакантного места. Не зря говорят: первоклассные репортеры незаменимы, пока их нечем заменить.

Отец Эллиса, представься ему шанс, конечно бы воспротивился. Потому-то парень и предпочел лишиться его такой возможности. Зачем омрачать себе радость! И когда пришло время поделиться новостями с родителями, Эллис намеренно позвонил в рабочее время – чтобы застать дома одну мать.

– Ох, сынок! Мы так тобой гордимся! – сказала она, захлебываясь восторгом. На мгновение Эллис почти поверил в то, что она говорит за двух человек – себя и отца.

За четыре дня с принятия решения он упаковал все свои вещи (задача минимум), приготовил к поездке свой драндулет, снял в Бруклине квартиру, которую в глаза не видел, и отправился в путь.

Один взгляд на его новую квартиру в многонаселенном доме, без сомнения, поколебал бы энтузиазм матери. В очередной раз на весь этаж квартиросъемщиков приходился всего один туалет; стены были тонкими как марля, и время от времени к квартирантам в гости наведывались хвостатые твари. И все же эта квартира была лучше предыдущей – в ней имелись небольшой письменный стол со стулом, не продавленная и почти не скрипевшая кровать и крошечная кухонька с настоящей раковиной, из крана над которой текла и холодная, и горячая вода. И, черт возьми! Человек в ней мог вращаться с вытянутыми руками, не рискуя задеть стену! А с учетом того, что его соседями оказались мигранты самых разных национальностей, у Эллиса появилась возможность овладеть практически любым иностранным языком, если бы ему вдруг этого захотелось.

По правде говоря, при желании он бы мог себе позволить и лучшее жилье. Его начальный оклад составлял шестьдесят баксов в неделю – вполне приличная сумма по сравнению с его мизерной зарплатой в «Экземайнере». Но Эллис решил быть экономным и накопить денег на новый двигатель, не дожидаясь, пока окончательно сдохнет старый. Только после этого он смог бы немного раскошелиться – купить се-

бе новую шляпу с шелковой лентой на тулье или шикарный габардиновый костюм. Вещи, которые приличествовало носить сотрудику «Трибьюн».

Как и все в Нью-Йорке, скорость и стиль работы в этой газете были на более высоком уровне. По крайней мере, так показалось Эллису в первый день, когда он переступил порог ее причудливого здания и поднялся на лифте в отдел местных городских новостей – обширное помещение, пропитанное табачным дымом и интенсивным напряженным трудом. И к своей работе на новом месте Эллис приступил в понедельник, исключительно обильный на новости. Аль-Капоне только что признали виновным в уклонении от уплаты налогов. Томас Эдисон отправился к праотцам. Тридцать тысяч гитлеровцев прошли парадом по Германии. И вдобавок ко всем этому Япония, вторгшаяся Маньчжурию, отвергла приглашение Америки в Лигу Наций.

Короче говоря, появление Эллиса не вызвало сильной ряби.

– Мистер Уолкер, – повторил он в третий раз, наконец-то обратив на себя внимание редактора новостного отдела, от стола которого в центре комнаты только-только разошлись в разные стороны репортеры, получившие свои задания на день.

– Чем я могу вам помочь?

– Сэр, я – Эллис Рид.

Выжидательная пауза. Но Стенли Уолкер только глянул

на свои наручные часы и поднялся со стула. Его жилистое тело оказалось на несколько дюймов ниже Эллиса (с его ростом под шесть футов). А черные, слегка волнистые волосы отливали рыжинкой.

– Вы получили задание? Идите выполняйте. А у меня встреча. – Протяжный тexasский выговор мистер Уолкера плохо вязался с его порывистой манерой речи.

– Я? Нет... Просто вы наняли меня на работу. На прошлой неделе...

По чисто выбритому лицу Уолкера промелькнуло замешательство. Нахмутив лоб, он стал натягивать на себя синий пиджак, пропахший сигаретами. Вокруг знакомая Эллису трескотня пишущих машинок сливалась с болтовней по радио и приглушенными разговорами сотрудников. – Как, говорите, ваше имя?

По телу Эллиса пробежали мурашки внезапного страха – вдруг вышла путаница?

– Рид. Из «Экземейнера».

– Питтсбург?

– Филадельфия...

Мистер Уолкер щелкнул пальцами и кивнул головой:

– Точно, точно. Очеркист!

Он улыбнулся, блеснул желтыми зубами и тут же плотно сомкнул губы, словно по привычке.

– Это все утренняя запарка. Ну, вы понимаете.

– Конечно. – Эллис с облегчением пожал ему руку. – И тем

более признателен вам за те хлопоты, которых вам стоило меня разыскать. Заверяю вас, сэр, вы не ошиблись.

– Черт возьми, надеюсь, что нет. – Еще одна натянутая улыбка сделала эти слова почти неразборчивыми. После чего Уолкер представил Эллиса своему помощнику, сидевшему за соседним столом, и попросил помочь ему освоиться.

– С превеликим удовольствием, – ответил Перси Тейт. Но стоило его шефу отойти, как мистер Тейт заметно посуровел и принялся скороговоркой вводить Эллиса в курс дела. Он так быстро тараторил, описывая план здания, начальников подразделений, стандартные задачи и дневной распорядок, что Эллис пропустил половину деталей. Один раз он осмелился попросить мистера Тейта повторить сказанное. И тотчас же – по его окаменевшему лицу – понял свой промах. Всем своим обликом – и глазами, и носом, и фигурой и поведением – Перси Тейт напоминал Эллису бдительного сыча. Выжидавшего удобного момента, чтобы наброситься на свою добычу.

– Привет, мистер Тейт, – вмешался в их беседу какой-то парень; его мальчишеское лицо резко контрастировало с глубоким голосом. – Если это наш новый сотрудник, так я могу его у вас забрать, если пожелаете.

Эллису явно не удалось скрыть свое замешательство.

Мистер Тейт без колебаний рванулся прочь.

– Я – Голландец, – протянул парень Эллису руку для пожатия с добродушным, хоть и немного лукавым блеском в

глазах. Из его прилизанных каштановых волос торчал графитовый карандаш, заложенный за ухо.

– А я... не понял, что я только что сделал.

– Да не обращайтесь вы внимания на этого старого сморчка, – махнул рукой в сторону мистер Тейта Голландец. – Он так же обращался со мной, когда я только начал здесь работать.

Эллис выдавил улыбку:

– А я подумал, у него ко мне что-то личное.

– Ну, может, немного, – признал Голландец. – У него приятель давно жаждет получить здесь место. Наверное, Тейт разозлился. Но это пройдет.

Поняв, в чем дело, Эллис кивнул. Не лучший вариант для старта, но зато больше мотивации, чтобы доказать, на что он способен, – решил для себя парень

– Ну, что, – предложил Голландец, – пошли на экскурсию?

* * *

Благодаря Голландцу (чье настоящее имя было Пит Вернон) Эллис быстро научился ориентироваться в лабиринте редакции, приспособился к работе до поздней ночи и уяснил, к кому из сотрудников можно было обращаться, а кого стоило избегать. Как женатый отец малыша, только научившегося ходить, и младенца, только готовившегося появиться на свет, Голландец вынужден был сводить общение с кол-

легами после работы к минимуму. Но он все же умудрился выкроить время и сводить Эллиса – в порядке продолжения экскурсии – в подпольный бар «У Блика», угнездившийся по соседству с редакцией на 4-й улице.

Именно там регулярно обедал мистер Уолкер, запивая пищу стаканчиком или даже парой стаканчиков виски. Впрочем, высшее начальство не возражало. Особенно после того, как все прознали, что и владелец «Трибьюн» частенько навещался в этот бар по вечерам. И выпивал запретной жидкости даже больше, чем следовало. Да и днем делал то же самое (естественно, в своем большом угловом офисе).

К счастью для всех, его жена обладала достаточной смекалкой, чтобы вести дела газеты. И, возможно, именно она тремя годами ранее подвигла мужа нанять мистера Уолкера.

По словам Голландца, дальновидный и практичный редактор новостного отдела был привлечен к работе в «Трибьюн», чтобы вдохнуть в нее новую жизнь. Он сразу же сменил ее мертвый балласт из аристократических отпрысков на новых журналистов – опытных репортеров с большим стажем, но в основном начинающих, энергичных авторов, горящих желанием писать истории о «женщинах, деньжатах и грехах», как любил приговаривать мистер Уолкер. Другими словами, он предпочитал освещать атмосферу и культуру города избитым и черствым сообщениям на темы политики и экономики.

Этим и объяснялось, почему Эллиса пригласили работать

в «Трибьюн». И, тем не менее, ему оказалось намного труднее утвердиться на новом месте, чем он ожидал.

Прошло несколько недель, а парень все еще приспособивался к трудовому режиму газеты и часто задерживался на работе далеко за полночь. Однажды вечером, когда Эллис сидел за своим столом и почти клевал носом, по его плечу хлопнул скрученным в трубочку листом тучный репортер по кличке «Доббс».

– Дать наводочку? А то у меня сегодня все уже расписано под завязку. Так что тебе карты в руки, если захочешь.

Эллис постарался сесть прямо и с благодарностью выслушал Доббса. До сих пор ему поручали в основном выверять цитаты или собирать дополнительные сведения для статей других репортеров. Остальное время Эллис выступал в отделе в роли шавки, на которую взваливали всю черную работу и которой скармливали ненужные объедки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.